

Анхель де Куатьэ

В поисках скрижалей

ВСЮ ЖИЗНЬ ТЫ ЖДАЛА

первая скрижаль завета

книга вторая

Куатьэ, Анхель де

История, начавшаяся в нашумевшем романе «Схимник», продолжается!

Зачем мы любим?.. Любовь и смерть — две вечные тайны, которые сокрыты под покрывалами страха. Мы силится, но не можем проникнуть в суть этих великих тайн. В новой потрясающей книге Анхеля де Куатьэ два героя «Схимника» становятся свидетелями Судьбы истинной Женщины. Им предстоит опасное путешествие, где с равной вероятностью их может встретить как любовь, так и смерть. И только когда Анхель и Данила решаются посмотреть в глаза своему страху, Жизнь открывает им первую Скрижаль Завета, первую из семи, первую на пути к Спасению.

Только сердце знает правду, только сознание видит цель, только человек...

« — Люди разучились любить. За любовью современного человека всегда стоит желание какой-то выгоды. Мы не любим другого человека, мы любим свое желание в нем. Мы обманываем себя. Наша любовь лишена искренности, спонтанности. В ней нет ничего настоящего, только аллюзия, только изображение, подражание...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЭПИЛОГ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Каждый Пророк оставляет после себя духовное завещание. В этих заповедях он сосредотачивает самую суть своего учения. Это его знание, его вера. Через века до нас дошли Законы Моисея, Изумрудная скрижаль Гермеса, Колесо Закона Будды, Коран Магомета, Нагорная проповедь Христа. В них, как кажется, звучит одна и та же истина. Но меня никогда не покидало ощущение, что все эти заповеди — своеобразный эзопов язык. А подлинное знание доступно лишь посвященным.

Тебе хочется проникнуть внутрь, понять значение этих заповедей, но ты сталкиваешься с сопротивлением собственного разума. Тебе кажется, что ты все понимаешь, но от этого твоя жизнь почему-то не становится лучше. Ты смотришь на окружающий тебя мир и видишь, что он живет не по этим заповедям, а вопреки им. Ты хочешь стать лучше и совершенствовать свой дух, но все эти желания так и остаются лишь мечтами.

Наша цивилизация стоит на пороге катастрофы. Об этом говорят уже все — ученые, мыслители, писатели. В человеке угасает дух. Недаром наше общество назвали «цивилизацией потребления». Мы заняты всем, чем угодно, только не своей душой, не своей внутренней жизнью. Все в нашей жизни, так или иначе, сводится к деньгам — к заработкам, тратам, расчетам. Наша душа не живет, она переводит дыхание.

И если в какой-то момент дух совсем улетучится, иссякнет, то, мне думается, худшее из пророчеств фантастов осуществится. Я имею в виду пророчество о победе роботов над человеком. Только с одной поправкой: этими победившими роботами будут сами люди... Люди, лишившиеся своей души. Тени прежних, настоящих людей. И если история действительно движется по спирали, то нынешняя эпоха высокой культуры должна смениться господством изощренных варваров.

Да, может быть, я романтик. Но мне хочется верить — падение нашей цивилизации еще можно остановить. И среди нас есть люди, которые несут в себе Свет. Они готовы идти на жертвы ради нашего общего будущего, ради победы Духа. Иными словами, я хочу думать, что пока я сижу здесь, в своем кабинете, и пишу это вступительное слово к новой книге Анхеля де Куатьэ, где-то за мою душу идет борьба.

И на стороне Света в этой борьбе те люди, которым я бы мог доверять.

Все, что я знаю об авторе этой книги — это только то, что он сам о себе пишет. Его дед по материнской линии — навахо, настоящий индейский шаман. Его отец — француз, всю жизнь искавший свою судьбу и нашедший ее в Мексике. С детства Анхель воспитывался своим дедом, освоил теорию и практику индейских шаманов, научился контролировать сновидения и толковать знаки. Высшее образование Анхель получил в России, что позволило ему изучить русский язык и культуру.

Я виделся с ним один раз, когда он сам принес рукопись «Схимника» в издательство. Он исчез так же внезапно, как и появился. Тогда я еще не знал, что желание познакомиться с ним ближе станет моей мечтой. Я надеялся, что мы сможем хотя бы поговорить, когда он принесет свою вторую книгу. Но на сей раз он ограничился посылкой — рукопись книги «Всю жизнь ты ждала» мы нашли в почтовом ящике издательства. Я сразу начал ее читать, прочел залпом и испытал потрясение.

В «Схимнике» Анхель де Куатьэ рассказал немного о своей жизни и о причинах, побудивших его приехать в Россию. Если верить астрологическим законам, сейчас на дворе эпоха Водолея — время, когда Россия становится духовным оплотом современной цивилизации. Россиянам это, наверное, трудно понять, но есть люди, которые считают для себя высшей наградой жить в России в наше время.

Здесь, в России, Анхель встретился с простым русским парнем Данилой. История Данилы не укладывается в сознании, и я, признаться, не верил ей до тех пор, пока не прочел эту — вторую — книгу. Знаки указали Даниле путь на Байкал, где схимники на протяжении сотен лет хранили Скрижали Завета. Скрижали Завета, насколько я сейчас понимаю — это те истины, которые необходимы человечеству для спасения Духа.

Открыть скрижали можно лишь в определенный, критический для цивилизации момент. И сейчас, судя по всему, этот момент настал. Миссия открыть Скрижали Завета была возложена на Данилу. Но он, как, наверное, и всякий критически настроенный человек на его месте, не сразу поверил своему предназначению. Данила промедлил и опоздал.

Семь Скрижалей Завета покинули свое место и рассеялись. Семь Избранных носят их в себе, даже не подозревая о том, какой ценностью они обладают. Анхель и Данила пытаются найти этих людей, открыть спрятанные в них скрижали. В этом залог Спасения — нашего и каждого из нас.

Самая удивительная часть «Схимника» посвящена явлению Источника Света. Кто он, этот Источник Света — неизвестно. Бог-Отец?.. Начало Начал?.. Высший Разум?.. Делая эти предположения, я теряюсь, испытывая неизвестный мне до сих пор внутренний трепет. Так или иначе, но именно Он держал Скрижали Завета в Своих руках, Ему служили байкальские схимники. Теперь эти знания оказались в руках человеческих, и потому все зависит от того, сможем ли мы их найти, составить, а затем правильно ими распорядиться.

Первая Скрижаль Завета уже найдена. Но разыщут ли Анхель и Данила оставшиеся шесть?.. Никто в мире не знает ответа на этот вопрос. Но, возможно, кто-то из читателей этих книг несет в себе Скрижаль Завета и даже не догадывается об этом. Быть может, мой труд по изданию и популяризации этой книги окажет посильную помощь в деле, которое совершают сейчас Анхель и Данила.

Впрочем, тому, что рассказывает автор, можно верить, а можно и не верить. В конечном счете, это личное дело каждого. Данила, например, в свое время не поверил...

Издатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зачем мы любим?..

Правда, странный вопрос. Он кажется нелепым, даже абсурдным. Но почему? Почему мы никогда об этом не думаем? Почему не спросим себя: «Зачем ты любишь? Какой в этом смысл?»

Все в этом мире имеет какой-то смысл. В нем нет ничего бесполезного или случайного. Значит, такая цель должна быть и у любви... а мы не знаем ее.

Прагматик скажет, что любовь — это просто физиология. Он скажет, что любовь нужна для продолжения рода. Но разве для продолжения рода недостаточно просто физического влечения? И как тогда быть с любовью к своим родителям, к близким, к Богу, наконец?! Зачем возникает это чувство? Неужели недостаточно привязанности, уважения, восхищения? Почему любовь?

Любовь приносит человеку страдания, но и в этом тоже должен быть какой-то смысл. Не может же быть, что и душевный труд, и страдания любящего лишены всякого смысла! Но так получается... Каждый знает это по своему опыту.

Мучительный, изматывающий бег по кругу: пустота — любовь — мука — снова пустота и снова любовь. И вот уже нас одолевает единственное желание — спрятаться, уйти, забыться, не думать. Человек, познавший боль, испытывает страх. Он боится повторения этой муки. Он не хочет любви, не хочет вновь попасть в ее зловещий, манящий омут.

Страх перед любовью преследует человека. Ведь влюбиться — значит потерять себя, лишиться чувства

опоры. Любящий отказывается от своего «Я», вверяет себя в руки возлюбленного. Это как прыжок с небоскреба — он пугает и завораживает. Завораживающий ужас — вот что такое любовь.

Две вещи — любовь и смерть — великая тайна, спрятанная под покрывалами страха. Мы не можем проникнуть в суть этих тайн. Они остаются для нас вечной загадкой — не проясненными, скрытыми, запретными.

Небеса посылают нам любовь, Небеса обрекают нас на смерть, не спрашивая ни о нашей готовности, ни о нашем желании. Они обе — любовь и смерть, как Рок, как перст Судьбы повелевают нашими жизнями. А мы не знаем их, не можем понять, и даже не видим в них смысла...

Первая Скрижаль Завета открыла нам пропасть этой загадки. Мы отправились на ее поиски, не зная, какой ужас нам предстоит пережить. Мы петляли по дорогам любви, но столкнулись не со счастливой и лучезарной фантазией, а со страхом, страхом перед реальной смертью.

Реальность смотрела на нас глазами двух своих священных тайн — тайны любви и тайны смерти. Этот взгляд пронзал, проникал в самую душу и сотрясал все наше существо. И только когда мы решились смотреть сквозь эти глаза, нам открылась первая Скрижаль Завета, первая из семи, первая на пути к Спасению.

Ты много переносил и имеешь терпение, а для имени Моего трудился и не изнемогал.
 Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.
 Итак, вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься.
 Имеющий ухо да услышит, что Дух говорит церквям: побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия.

*Откровение святого
 Иоанна Богослова,
 2:3 - 6,8*

ПРОЛОГ

Все вещи Данилы умещались в одном чемодане. С ним он и переехал в Москву.

— А зачем ты возишь с собой эту книгу? — спросил я у Данилы.

— Ах, это, — он задумался.

Я продолжал крутить в руках старую, потрепанную книжку Ханса Кристиана Андерсена «Русалочка». Было странно видеть ее среди скупого мужского гардероба.

— Данила, ты не хочешь отвечать? — спросил я через минуту.

— Нет, Анхель, что ты! Прости, я просто задумался. Вспомнил бабушку. Она была неграмотной, но очень любила сказки, поэтому я читал ей вслух. Эту — перед самой смертью.

— А о чем она? — я знал о сказочнике Андерсене, но никогда не слышал про эту сказку.

— О чем? — Данила снова задумался. — Она... Трудно сказать. Это грустная сказка. Русалочка была седьмой дочерью Морского Царя. Она жила в прекрасном дворце на дне Океана. И мечтала, что когда-нибудь встретит Прекрасного Принца, который обесмертит ее своим чувством.

Все русалочки жили по триста лет, а потом превращались в морскую пену. Ни одна из русалочек не могла жить вечно, ибо только людям даровано бессмертие. Любящий человек не умирает, он отправляется на Небо вместе со своим возлюбленным. Если, конечно, сможет найти ответное чувство.

(Книга из электронной библиотеки неПУТЬёвого сайта <http://ki-moscow.narod.ru>)

Когда Русалочке исполнилось пятнадцать лет, ей разрешили подплывать к берегу и украдкой смотреть на людей. И надо же было такому случиться, что день ее рождения совпал с днем рождения Прекрасного Принца! Он праздновал свое совершеннолетие на огромном паруснике. Звучала музыка, был слышен радостный смех, в небо взметались красочные огни петард...

К несчастью, праздничный фейерверк стал причиной пожара. Парусник загорелся, словно бумажный, и стал заваливаться на бок. Русалочка перепугалась, но взяла себя в руки и тут же принялась искать Прекрасного Принца. Встретить свою любовь в собственный день рождения и тут же ее потерять... Нет, этого нельзя было допустить!

Русалочка спасла жизнь Прекрасному Принцу, но не могла ему открыться, ведь у нее не было ножек. Разве же он сможет ее полюбить?! По человеческим меркам она, со своим хвостом, как у рыбы, просто уродлива. Каждую следующую ночь Русалочка подплывала ко дворцу Принца и пела ему свои чудесные песни. Принц слушал ее прекрасный, ни с чем не сравнимый голос, и он покорило его сердце.

А вот сердце Русалочки разрывалось на части. Что ей было делать? Если бы у Русалочки были ножки, то Принц смог бы жениться на ней, а душа Русалочки стала бы бессмертной. Вдвоем с Принцем она бы обрела вечное счастье на Небе. Но никто не мог помочь Русалочке.

И только Ведьма предложила ей страшный обмен: «Я дам тебе ножки, но заберу язычок. Ты будешь немой. Помни, обратного пути не будет, — предупредила Ведьма. — И если Принц не захочет жениться на

тебе, ты не сможешь попасть на Небо и не сможешь вернуться в море. Ты умрешь!»

Русалочка согласилась, не раздумывая. Ведь она так любит Принца! Неужели же он откажется от ее любви?! Нет, это невозможно!

Их встреча была счастливой. Русалочка вышла навстречу своему Принцу, прямо из морских волн, нагая, с одним лишь жемчужным ожерельем в длинных шелковых волосах. Принц потерял голову, глядя на прекрасную девушку.

«Как ты красива!» — не переставал восхищаться Принц.

«Ты меня любишь?» — спрашивали изумрудные глаза Русалочки.

«Как жаль, что ты не можешь говорить!» — отвечал ей Прекрасный Принц.

«Я люблю тебя больше всего на свете!» — говорили глаза Русалочки.

«Почему ты не Принцесса! Я бы женился на тебе!» — отвечал ее возлюбленный.

Так продолжалось несколько месяцев, пока, наконец, Принца не сосватали. Ему нашли красавицу Принцессу в другом королевстве. У Русалочки появилась соперница, бархатный голос которой околдовал Принца.

Счастливый, он рассказал Русалочке о своем счастье: «Русалочка, я женюсь на самой прекрасной Принцессе! Порадуйся за меня! Ты же мой самый близкий друг!»

Какие ужасные слова! Русалочка была в отчаянии, но не подала виду. «Я счастлива за тебя!» — говорили ее глаза. Но сердце ее надрывалось от горя. Сейчас она потеряет и Принца, и свою жизнь.

Ночью Русалочку навестили сестры. Они нашли способ спасти ее. Страшная Ведьма предложила им обмен. «Дайте мне ваши шелковые волосы, а я дам вам волшебный клинок, — сказала Ведьма. — Пусть Русалочка убьет им Прекрасного Принца, и я верну ей морскую жизнь!» Сестры пожертвовали своими волосами ради спасения Русалочки.

Растерянная Русалочка стояла у шатра, в котором ворковали Принц и его избранница. Холодный клинок жег ее руку. Она осторожно подняла пурпурную занавесь. Головка прелестной Принцессы покоилась на груди Принца. Словно сквозь сон, Русалочка услышала, как он прошептал имя своей невесты. Теперь только она одна была в его мыслях.

В отчаянии Русалочка бросилась к морю и выбросила волшебный клинок. И только он вонзился в волну, как вода мгновенно сделалась кроваво-красной. Русалочка вздрогнула. Угасающим взором она посмотрела на шатер Принца и почувствовала, как ее тело расплывается по берегу морской пеной.

Над морем поднималось солнце. Его лучи любовно согревали мертвенно-холодную пену на легкой волне. Русалочка не чувствовала смерти. Она видела только солнечные лучи, освещавшие последние мгновения ее жизни.

— Неужели такой конец?! — я не верил своим ушам.

— Да, — ответил Данила. — Русалочка любила и надеялась быть любимой. Она поставила на кон свою жизнь и проиграла...

— Но в чем смысл этой сказки? Ведь у нее должен быть какой-то смысл?

— Я не знаю, Анхель. Но моя бабушка сказала, что это самая важная сказка. Она взяла с меня обещание, что я никогда не расстанусь с этой книгой. И я не расстаюсь, но и разгадки этой истории я не знаю.

— Странная связь, — задумался я. — Любовь должна была подарить Русалочке бессмертие, а на самом деле она убила ее.

— Анхель, а ты думаешь, что именно страх смерти заставляет человека любить? — спросил Данила.

— А может быть, это сказка о том, что страх смерти убивает любовь? — предположил я.

Я думаю, что скоро мы об этом узнаем, Анхель, — сказал Данила и загадочно посмотрел на меня.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Последние несколько дней были для Данилы мучительными.

В его голове возникали картины.

Он видел их наяву, но как сны — тяжелые, навязчивые, нечеткие.

Перед ним появлялись то офисные помещения, то люди на улице.

Временами он слышал звуки, шум, обрывки фраз. Попытки управлять этими видениями успехом не увенчались.

К вечеру третьего дня он был близок к отчаянию:

«Это где-то в Москве. Но я ничего не могу понять!

Кому принадлежат эти ощущения?!

Что со всем этим делать?!»

Я не знал, как его утешить.

В полночь, когда я уже дремал в кресле, с кухни раздался сдавленный стон: «Началось!»

Я подскочил и бросился к Даниле.

Он лежал на полу, его глаза закатились и бешено двигались из стороны в сторону.

«Данила, что с тобой? Что началось?!»

Кристина, открой!

Пожалуйста, мне очень надо с тобой поговорить! — кто-то истоиво барабанил в двери квартиры.

— Петр, мы уже обо всем говорили. Пожалуйста, уходи! — женщина отвечала слабым, но уверенным голосом.

Она стояла, опершись руками о дверь, и, опустив голову, смотрела на паркетный пол прихожей.

— Я никуда не уйду! Мы пока еще женаты! Ты забыла об этом?! Я твой муж, Кристина! Пусти меня! — мужчина был настойчив.

— Это не дает тебе никаких прав, Петр. Мы уже все обсудили, я больше не могу так. Уйди, пожалуйста! — ее мольба превращалась в тихий стон.

— Я умру! Слышишь меня, я умру! Кристина!!! В ее душе что-то дрогнуло. Возник испуг.

Бог знает, что может взбрести ему в голову! Но нет, на шантаж поддаваться нельзя.

Стук в дверь прекратился. Кристина сделала шаг в направлении комнаты. И тут ее, как молния, пронзила странная решительность. Она резко повернулась к двери и открыла ее.

На пороге стоял мужчина — крупный, крепко сбитый, с круглым лицом и короткой стрижкой.

— Петр, — Кристина смотрела в его испуганные глаза. — Зачем ты это говоришь? Ты меня шантажируешь! Как ты можешь *такое* говорить?!

— Кристина, можно я войду?.. — голос Петра стал тихим и виноватым.

Ничего не ответив, Кристина прошла внутрь квартиры, в большую залу и села в дальнее кресло. Петр появился на пороге, снял куртку, ботинки и последовал за ней.

Потянулась долгая пауза. Что он может ей сказать? О чем он будет с ней говорить? Станет просить ее остаться? Скажет, что не даст ей развода? Но она уже все ему объяснила. Все решено. Продолжать эти отношения дальше бессмысленно. Они мучают обоих, и потому их надо заканчивать, другого пути нет.

Да, она любила его или ей казалось, что любила. Но теперь даже это не имеет значения. Последний год их не объединял даже секс, а психологические отношения давно стали обузой. Кристина всегда хотела расти, совершенствоваться. Ей была противна сама мысль, что можно взять и остановиться, потерять интерес к жизни, превратиться в стареющую брюзгу.

Она почувствовала, что за три года их брака она постарела на десять лет. И если отмотать назад, не врать самой себе, то ведь она вышла замуж за Петра из-за отчаяния. Это часто случается с тридцатилетними женщинами, преуспевшими в бизнесе, но осознавшими, что мужчина их мечты — это блеф.

Впрочем, раньше она встречала таких «идеальных» мужчин, но они никогда не отвечали ей взаимностью. Она была им интересна, с ней хотели иметь дело, но они ее не любили. Может быть, они жалели ее, может быть, уважали, может быть, пользовались ею, но не любили. Никогда.

— Кристина, — Петр выжимал из себя слова, словно кровь из пальца, — я не знаю, что тебе сказать...

— Петя, не надо ничего говорить. Просто уйди. Пожалей меня...

— Кристина, не говори так. Мне этого не вынести, — на светло-серых глазах Петра выступили слезы. — Ты столько для меня значишь... Ты столько сделала для меня.

— Я это делала для нас. Наверное, неправильно делала. Я очень на тебя давила. Я виновата перед тобой. Но все равно, я не заслуживаю этой муки, — сердце Кристины словно попало под тяжелый гидравлический пресс.

— Да что ты такое говоришь! Ты меня подняла. Ты сама не понимаешь, как ты меня подняла! Кем я был?! Простым работягой. А теперь... Теперь у меня хорошая работа, я учусь, у меня все есть...

Нет, все это она хорошо понимает. Очень хорошо. Может быть даже лучше самого Петра. Кристина вложила в него свою душу. Она пыталась полюбить человека в благодарность за его любовь к ней.

К моменту встречи с Петром отношения с другими мужчинами оставили на ее сердце грубые, незаживающие рубцы. До дна она испила горечь безответной любви. И в какой-то момент Кристине показалось, что лучше уж быть любимой, чем любить.

Они с Петром были из разных миров: она — женщина, сделавшая себя сама; и он — специалист станции техобслуживания автомобилей. Еще подростком Кристина поняла — она не может рассчитывать на мужчин, как, например, ее лучшая подруга Юля. Юля была красива, из семьи известных людей. И конечно, все мужчины были у ее ног.

Кристина не обладала тем очарованием, которое иногда дается женщине от природы, просто так. А если природа не сделала тебе такого подарка, ты должна бороться за свое счастье сама. И Кристина приняла этот вызов.

Десять лет назад она круто изменила всю свою жизнь. Времена были тяжелые, но она сделала свой бизнес. Рисковала, билась с конкурентами, брала умом, знаниями, интуицией, а иногда простым бесстрашием — в рукопашную на танки. И побеждала, потому что должна была побеждать, не могла не победить.

Но не только деньги разделяли Кристину с ее мужем — первым, и как теперь она понимала — последним. У них с самого начала было разное чувство жизни. Кристина умела восторгаться жизнью. Она боялась смерти, а потому старалась никогда о ней не думать.

Напротив, она отдавалась жизни со всей страстью, на которую была способна.

Жизнь Кристины не могла тлеть, это бы убило ее (что и стало происходить в браке). Она должна была гореть, искриться, подобно праздничному фейерверку. Новое, интересное, необычное — вот в чем Кристина чувствовала прелесть и смысл жизни. А Петр был прост, его занимали тихие радости — телевизор, рыбалка, встречи с двумя его друзьями. Он был скучен.

Поначалу Кристина надеялась, что сможет как-то растормошить его. Ей казалось, что стоит показать Петру, как прекрасен этот мир, и ее муж раскроется. Он увидит, поймет, почувствует вдохновение от того великого очарования, которое хранит в себе жизнь.

Она хотела, чтобы он получил высшее образование, почувствовал себя личностью. Но мечтам Кристины не суждено было сбыться. Петр действительно сильно прибавил за эти три года — он вырос и внутренне, и приобрел социальный вес (Кристина помогла ему занять хорошее место в крупной автомобильной компании).

Но у нее все равно оставалось ощущение, что она его тащит, тянет, двигает. И это чувство с каждым днем их совместной жизни становилось все более и более невыносимым. Ничто в этой жизни не давалось ей просто так, все приходилось зарабатывать своим трудом. Но при этом она знала, что такое «легкость бытия». Она любила эту легкость, дорожила ей, этим ощущением. Петр отнял у нее самое дорогое.

Нет, она не винила его. Скорее напротив, она винила себя. Ведь это ей было нужно. Конечно, она была с ним нежна и тактична. Конечно, она не требовала от Петра невозможного. Разумеется, все это шло ему на пользу. Но нужно это было ей... Так Кристине казалось до какого-то момента. Теперь это перестало быть нужным.

Уже больше года она ощущала себя не любимой женщиной, а матерью-наседкой, за которой ходит великовозрастный ребенок, неспособный ни принять самостоятельного решения, ни удивить настоящим поступком.

— Ты должен, обязательно должен продолжать обучение, — тихо произнесла Кристина. — Наш развод — это не конец жизни. Просто мы с тобой расстанемся. Но ты должен двигаться дальше, у тебя большой потенциал. У тебя еще все наладится, все получится. Ты будешь счастлив, только не оставляй учебы и не сбрасывай темп. Расти дальше...

Она действительно сильно беспокоилась за него, тревожилась, как мать, но не как любящая женщина. Когда Петр отогрел ее своей страстью — простой, незамысловатой, в чем-то просто физической — Кристина на какое-то время почувствовала себя счастливой. Еще ни один мужчина не доставлял ей такого наслаждения, такого ощущения желанности, такого восторга от сексуальной близости.

Но ведь хороший секс — это еще не вся жизнь. И он важен, если у тебя его нет, а когда он есть, ты начинаешь обращать внимание на другие стороны жизни. Они же оказались мукой.

Уже больше года она ощущала себя не любимой женщиной, а матерью-наседкой, за которой ходит великовозрастный ребенок, неспособный ни принять самостоятельного решения, ни удивить настоящим поступком.

— Ты должен, обязательно должен продолжать обучение, — тихо произнесла Кристина. — Наш развод — это не конец жизни. Просто мы с тобой расстанемся. Но ты должен двигаться дальше, у тебя большой потенциал. У тебя еще все наладится, все получится. Ты будешь счастлив, только не оставляй учебы и не сбрасывай темп. Расти дальше...

Она действительно сильно беспокоилась за него, тревожилась, как мать, но не как любящая женщина. Когда Петр отогрел ее своей страстью — простой, незамысловатой, в чем-то просто физической — Кристина на какое-то время почувствовала себя счастливой. Еще ни один мужчина не доставлял ей такого наслаждения, такого ощущения желанности, такого восторга от сексуальной близости.

Но ведь хороший секс — это еще не вся жизнь. И он важен, если у тебя его нет, а когда он есть, ты начинаешь обращать внимание на другие стороны жизни. Они же оказались мукой.

Внешне Петр производил впечатление настоящего «мужика» — уверенного в себе, сильного, даже жесткого. Кристина научилась получать удовольствие от его странной, почти брутальной мужиковатости. Но именно научилась, потому что на самом деле он был ранимым, в чем-то закомплексованным, в чем-то слабым и склонным к зависимости.

Кристине приходилось быть лидером, жизнь заставила ее все делать самой, рассчитывать только на себя. Но одно дело быть лидером в бизнесе, и другое — в отношениях с любимым человеком. То, на что ее вынудило общество, устройство мира, не должно было стать частью брака, частью отношений с мужчиной.

Кристина пыталась подыгрывать Петру, словно бы говорила: «Ты лидер! Ты главный! Я полностью подчиняюсь тебе!» А Петр, словно бы специально, от раза к разу скатывался к роли ведомого, зависимого, подчиняемого. Это и приводило Кристину то в неистовство, то в состояние абсолютного, непреодолимого

отчаяния, которое стало причиной ее решения.

— Я брошу учебу, я уйду с работы, — Петр стал бубнить себе под нос, словно трехлетний ребенок. — Мне ничего этого не надо. Мне без тебя ничего не надо. Я только с тобой...

Он снова начал плакать. Кристина смотрела на него с болью и хотела сбежать из своей собственной квартиры, только бы не видеть его слабости, этих слез, этого унижения. Причем, даже не его, а своего унижения.

Петр унижал ее своей слабостью, своей пассивностью, этой свой детской капризностью. Он унижал в ней женщину, он унижал в ней человека. И самое ужасное, что он даже не догадывался об этом.

Он совершал эту чудовищную ошибку и прежде: именно это, на самом деле, и разрушило их отношения. А теперь, желая найти примирение, он пришел с тем же. Осознавать это было больно, нестерпимо больно!

— Петр, прекрати! Прекрати это немедленно! — Кристина вскочила со своего кресла. — У тебя теперь есть хорошая работа. У тебя есть квартира. Мы все сделали в ней, как ты хотел. Пожалуйста, работай, живи, как тебе нравится. Я не хочу чувствовать себя виноватой. В конце концов, я не совершила никакого преступления!

— Я и не говорю о преступлении! Ты не виновата! — Петр принялся извиняться.

— Ну, и оставь же меня, наконец! Я этого не вынесу! Я просто не смогу это вынести! Как ты не понимаешь, насколько мне больно видеть тебя таким?! Как мне ужасно больно! Ты по капле выдавливаешь из меня жизнь, все, что осталось. Капля за каплей! Прекрати, или я здесь не останусь!

Но куда ты пойдешь?! — Петр растеряно посмотрел по сторонам.

— Неважно куда, это не проблема! Но я не хочу продолжать этот разговор! Я не могу! Слышишь меня, я не могу больше!

— Но Кристина...

— Что?! Что?!

— Я же так люблю тебя, — только и смог пролепетать Петр.

— И я тебя люблю! И я тебя люблю! — закричала Кристина. — Но пойми, для нас обоих будет лучше, если мы расстанемся. Я же мучаю тебя! Как ты не понимаешь, что я тебя мучаю! Ты же весь извелся!

— Нет! Просто я был неправ! Я неправильно поступал! Ты меня не мучаешь! — Петр пытался убедить ее в том, во что и сам не верил.

— Петр, Петенька! Зачем все это?! Ради чего?! Ты же теперь такую жизнь себе сделаешь! На тебе и раньше все девчонки висли, а теперь и вовсе отбоя не будет. Найдешь себе ту, с которой тебе будет хорошо...

— Мне никто, кроме тебя, не нужен! — в глазах Петра читался ужас отчаяния.

— Да что ты такое говоришь?! *Это* я тебе не нужна! Ты этого пока просто не понимаешь! Ты привык ко мне, вот и все. Сейчас тебе больно, но это целительная боль. Она нас излечит.

— Кристина! — Петр встал и кинулся к ней.

— Нет, Петр, нет! Только не это! Пожалуйста! — Кристина бросилась к двери, схватила плащ и выскочила на улицу.

Данила медленно приходил в себя.

Когда я увидел его лежащим на полу, то не сразу понял, что с ним происходит.

Но вслед за этим пришло осознание:

впервые Данила почувствовал человека, в котором Тьма спрятала первую Скрижаль Завета.

Данила, Данила! Как ты?! — я слегка тормошил его за плечи.

— Тихо, тихо... — прошептал Данила. — Я видел... Анхель, я видел.

— Что, что ты видел, Данила?!

— Я видел, как она страдает...

— Кто она? — я удивился, не понимая, о ком идет речь.

— Та, чью сущность я сейчас чувствовал...

— В ней Скрижаль Завета?! — я не верил своим ушам.

— Да. Я думаю, да. Она прекрасна... Если Тьма хотела надежно спрятать скрижаль, то лучшего ларца ей не найти.

Придя в себя, Данила пересказал мне содержание своего видения.

— Но что нам теперь делать? Где ее искать эти вопросы не давали мне покоя.

— Никаких зацепок. Я видел только квартиру — большую, уютную. Ничего больше... — Данила выглядел растерянным.

Когда он узнал о моем прибытии из Мексики, все было просто. Он увидел моими глазами билет на самолет. Прочел номер рейса и дату, а потом просто приехал в Шереметьевский аэропорт. Он не знал, как я выгляжу, поэтому подготовил табличку, на которой написал «Свет». Я почему-то подумал, что этот молодой человек ищет именно меня, подошел к нему и оказался прав.

Здесь ситуация выглядела иначе. Может быть, все совсем не так, как нам представляется? Да, мы

должны найти Скрижали, и видения Данилы, безусловно, как-то с этим связаны. Но как? Если Данила правильно понял то, что сказал ему Источник Света, то Скрижали Завета спрятаны в нескольких людях. Это хороший способ уничтожить скрижали — разделить их между разными людьми, причем так, чтобы они даже не догадывались о том, что получили.

— Данила, а как ты думаешь, Кристина знает о том, что в ней Скрижаль Завета? — спросил я.

Мне кажется, что нет. Понимаешь, — продолжил Данила, — в ее душе настоящее отчаяние. Это испытание. Ее муж — Петр — судя по всему, хороший человек. Но любовь к нему — это не то, что ей нужно.

Она чувствует это, мучается из-за этого, но не знает, что ей делать. Она должна пройти это испытание. Она должна выбрать между размеренной, пустой жизнью и своей подлинной судьбой. Она должна выбрать между существованием и радостью жизни.

Ее терзает страх. Она чувствует, что эти отношения погубят ее. Но ее мучает и страх неизвестности. До тех пор, пока она не сделает выбор, она не может услышать свою душу. Откуда ей знать, что сейчас происходит в ее душе?

Я слушал Данилу и поражаюсь мудрости его слов. Как часто человеку приходится выбирать между синицей в руках, и журавлем, парящим над головой. Но на самом деле он выбирает между страхами. Он боится оставить все так, как есть, если это его не устраивает. И боится, что не добьется того, на что надеется, но потеряет свою синицу.

— Данила, так может быть, этот выбор делает не человек, а его страхи? Тот, что больше, тот и победит? — спросил я.

Об этом мне говорил Источник Света: «До тех пор, пока люди поражены страхом, они слепы. Страх смерти скрыт в каждом мгновении человеческой жизни. Вы даже не понимаете, сколько его в ваших душах. Вы стяжаете и вы ненасытны, а значит — боитесь. Вы знаете, что потеряете и не хотите терять, а потому боитесь вдвойне».

Я думаю, что ты прав, Анхель. Но я думаю и другое. Свет скрыт в каждом человеке, и это подлинная его сущность. Когда этот Свет поднимется над страхом, когда Он будет выше и сильнее страха, тогда сам человек и сделает свой выбор. А до этого выбор делает его страх, и этот выбор ведет к катастрофе.

Этой ночью я управлял своим сновидением. Я заснул, овладел своим астральным телом и отправился на поиски деда Хенаро. Мне хотелось услышать его, узнать, что он думает, спросить его совета.

В сновидении дед встретил меня доброжелательной улыбкой, и я задал ему мучавший меня вопрос:

«Хенаро, — спросил я, — если человек стоит перед выбором, как знать, какое решение будет правильным?»

— «Боги говорят с людьми, когда люди их слушают», — ответил Хенаро.

— «А разве же люди не слушают Богов?!» — удивился я.

— «Если бы они слушали, они бы слышали!»

— «Но для этого им следует выполнять специальные ритуалы. Ведь так?» — признать, я не понял его ответа.

— «Чтобы испытать воды, надо открыть сомкнутые губы. Если это ты называешь ритуалом, то, конечно, люди должны его исполнить!» — рассмеялся Хенаро.

— «Это слишком просто!» — мне казалось, что Хенаро отвечает мне с каким-то подвохом.

— «Запомни — самое простое кажется тебе сложным до тех пор, пока ты боишься...» — сказав это, Хенаро развернулся и пошел в сторону пустыни.

Я долго смотрел ему вслед и проснулся.

Что я понял из этой беседы? Хенаро сказал мне, что страх — это *ничто*, пустота. Я спрашивал его о страхе. Но он не придавал ему никакого значения, отнесся к нему как к сущей безделице. Он среагировал так, словно бы и не понял вопроса.

Но какова цена этой безделицы, цена страха? Она огромна. Столько стоит жизнь, близость к Богу! Такова реальная цена безделицы под названием страх. Нам приходится выбирать между жизнью и страхом. Это неравноценный обмен. И Хенаро хотел, чтобы я испугался... своего страха.

Следующее видение не заставило себя ждать.

Целый день Данила выглядел ослабленным и разбитым.

Все говорило о том, что новая встреча с Кристиной не за горами.

Данила торопился, ходил из одного угла комнаты в другой, пытался сосредоточиться.

Вдруг перед его глазами пронеслась черная тень...

Удар. Вспышка света. «Я вижу!» — только и успел прокричать он.

Кристина сидела в своем кабинете и пыталась сосредоточиться на делах. Но ее душа была не на месте. Мысли путались, тело ныло, словно его подвергли жесточайшей пытке. Кристина казалась себе мешком с

водой, дряблым резиновым шаром. Почему все так?.. За что ей все это?..

В какой-то момент ее обьял приступ безотчетной тревоги. Хотелось сбежать, спрятаться, скрыться. Она снова почувствовала себя маленьким ребенком — слабым и беззащитным. Все повторяется: надежды сменяются разочарованиями, вера — отчаянием, страсть — болью.

Ей совсем не на кого опереться. Кругом нее люди, но она одна. Ее одиночество пряталось прежде или за наигранной беспечностью, или за официальной серьезностью. Теперь оно вырвалось наружу, сбросило эти маски и обнажило свой хищный оскал.

Нет, Робинзон Крузо не знал одиночества. Ты можешь встретить свое одиночество только в толпе людей. Одиночество — это ночной кошмар. Сновидение, в котором ты гонишься за ускользящим от тебя человеком.

Кругом сотни, тысячи людей... Ты бежишь, расталкиваешь случайных прохожих. А силуэт этого человека, похожего на тень, все время маячит где-то впереди. Ты зовешь его, но он не откликается. В ответ на твой зов он лишь ускоряет свой шаг.

Она совсем одна. Разве поймут Кристину ее родители? Да и как им рассказать о той боли, которая поселилась у нее в сердце? Рассказать — значит причинить им боль, но от этого боли не станет меньше.

И разве друзья смогут разделить с ней ее душевную муку? Каждый поглощен своими проблемами и думает только о себе. Все хотят быть услышанными, но никто не хочет слушать.

В приемной вдруг стало шумно. Дверная ручка нервно заездила вверх-вниз. Кажется, секретарь Кристины пыталась остановить какого-то непрошенного гостя, заграждая дверь начальницы собственным телом.

— Я же вам сказала, Кристина Александровна занята! — кричала секретарь.

Да что за ерунда! Скажите, что это я пришел! И все!

«Руслан Ветров!» — Кристина узнала бы его голос из тысячи; она запаниковала.

Доли секунды, и дверь ее кабинета с грохотом отворилась.

— Кристина Александровна, извините, пожалуйста... — секретарь выглядела виноватой и озабоченной.

— Кристина, здравствуй! — Руслан отодвинул секретаря в сторону и прошел внутрь кабинета.

Как и всегда, он выглядел потрясающе. Высокий, статный, проникнутый безграничной любовью к себе. Удивительно, как ему удавалось столь искусно прятать свой изощренный эгоизм. Но удавалось, у несведущих людей всегда возникало ощущение, будто бы он любит всех, кроме себя.

В образе Руслана читалась странная смесь — мужественности, детской заинтересованности и искренней чуткости. Правда, он не имел ни малейшего представления ни о том, ни о другом, ни о третьем... Но зато сам этот образ был сработан его автором безукоризненно.

— Зачем ты пришел?! — Кристина встала и вышла из-за стола, ее губы едва шевелились.

Она ожидала бы увидеть в своем кабинете кого угодно — английскую королеву, Папу Римского, президента РФ или Святого Николая Чудотворца. Кого угодно — только не Руслана! Он явился из небытия, как удар грома среди ясного неба.

Руслан атаковал ее жизнь трижды и трижды уходил навсегда. Каждый раз она любила и каждый раз страдала. Мечтала о его возвращении и молила, чтобы он никогда не возвращался. Сотни раз она клялась себе, что больше никогда не поддастся на его чары, не ответит ему взаимностью, не простит ему его жестокости. Сотни раз...

Но он приходил, смотрел на нее своими финифтиевыми глазами, и все начиналось заново. Она снова любила — до боли, до иступления, отчаянно и безотчетно. Эта любовь сводила ее с ума. Кристина не помнила и не понимала себя, не видела ничего вокруг. Потом вдруг он переставал звонить, не отвечал на звонки, и пустота...

Если над женщиной может довлеть злой рок, то он должен выглядеть именно так: мужчина, который желанен и недоступен одновременно. Он заполняет ее целиком, но не принадлежит ей. Единственное, на что она может надеяться, это взять от него маленькую частичку. Кристина хотела родить от него ребенка, маленького мальчика.

Она назвала бы его самым красивым именем на свете. Она назвала бы его Русланом.

— Мне очень не хватает тебя, Кристина... — голос Руслана дрогнул, на глазах появились слезы. — Я знаю, что ты ненавидишь меня. И я заслуживаю это... Но, Кристина, я столько передумал за это время, столько понял. Ты лучшая женщина. Никто не любил меня так, как ты. Ты нужна мне, Кристина.

Господи, сколько лет Кристина ждала этих слов?! Пять, или нет, даже семь лет. Семь мучительно долгих лет. Чувство к Руслану переполняло Кристину, дышало каждой толикой ее существа. Находясь рядом с ним, она превращалась в чашу с божественным нектаром. Она становилась светом.

Но они никогда не были вместе. Руслан не видел в ней женщины, не хотел, делал вид, что не видит. Женщинами для него были другие — высокие, красивые и обязательно глупые. Он не любил или, может быть, боялся умных женщин. Да, его тянуло к ним, они становились его друзьями, но не любовницами.

Эти отношения были его ложью. Он пользовался Кристиной, пользовался ее чувством. Она была ему необходима, она давала ему ощущение собственной значимости. Он исполнялся этим чувством, предлагая взамен лишь краткие «дружеские встречи». А она любила его, любила по-настоящему, любила настолько, насколько вообще может любить женщина.

Статус «друга» был лишь ширмой, правилами игры. Игры жестокой и нечестной. Кристина пыталась не замечать эту ложь, не видеть этой жестокости. А Руслан делал вид, что их отношения и вовсе лишены всякой лжи, чисты, возвышенны и непорочны. Он притворялся невинным, ничего не понимающим младенцем. Но именно притворялся, она знала это.

— Все. Поздно, Руслан. Если бы раньше... А сейчас — нет, — каждое свое слово Кристина произносила отчетливо, но вся душа ее в этот миг сжималась от боли.

Она отошла назад к столу, села в свое кресло и повернулась к окну, чтобы не видеть Руслана. Он выглядел жалко. Нет, она не унижала его, но он выглядел униженным, даже раздавленным.

Он пришел просить о том, что целых семь лет было в его полном распоряжении. Но он даже не потрудился рассмотреть эту «безделицу». Теперь вдруг она ему понадобилась. Это так глупо, что даже не смешно.

С тяжелым сердцем Кристина смотрела в окно, на голубое небо, на зеленые кроны деревьев. Она пыталась думать, что Руслана нет в этой комнате. Что это только мираж, сон, кошмарное сновидение. Скоро она проснется и все закончится.

Когда Руслан ушел, пропал в третий раз, Кристина хотела покончить с собой. Ее душевная боль была нестерпимой. «Мне было бы легче, — подумала она тогда, — если бы он умер». Эта мысль казалась ужасной и даже безумной.

Но самая чудовищная реальность лучше бесконечной неопределенности. А худшая из фантазий иногда лучше реальности. Если бы он ушел в никуда, оставив только добрую память о себе, только воспоминанье о коротких минутах счастья, то это было бы и честнее, и проще.

Ее чувство было прекрасным. Впрочем, может быть, она любила не самого Руслана, а только придуманный ею образ? Может быть, Руслан совсем не заслуживал этого чувства? Может быть. Но даже если так, осквернять ее чувство жестокой и грубой реальностью было несправедливо.

И она заставила себя верить фантазии. Она добровольно надела на себя черное платье вдовы и, стеноя от боли, оплакала свою любовь. В те дни, казалось, внутри нее что-то треснуло, надорвалось. А душа, измученная заточением, выскользнула через образовавшееся отверстие и улетела.

Кристине казалась, что она умерла, стала живым трупом. Она прошла страшное перерождение. Семь лет она была своей любовью, и теперь она хоронила ее. Кристина умерла и возродилась заново, но не той, что была прежде. Она возродилась без сердца, без души. Как выжженная земля.

— Кристина, я хочу искупить. Я хочу, чтобы ты простила меня. Ты не заслуживаешь той боли, которую я тебе причинил. Я все понял теперь, я все понял...

— Знаешь, что самое ужасное, Руслан? Я не верю тебе. И не хочу верить. Слишком поздно ты пришел раздувать угли. Все перегорело, ничего не осталось. Только холодный пепел.

Было видно, что Руслан уязвлен, уязвлен в самую сердцевину своего эгоистичного сердца. Кажется, он не ожидал такого приема. Он пришел через три года, как ни в чем не бывало, словно бы и не было этих трех лет. Словно бы не было ее боли, ее отчаяния, ее смерти.

Нет, он ничуть не изменился. Перед ней все тот же эгоист, который думает только о себе и о своих чувствах. Кристина для него — лишь игрушка или, может быть, спасательный круг. Наверное, он потерпел какую-то неудачу в отношениях с очередной моделью, и теперь пришел залечивать раны.

Ничто так не льстит мужскому самолюбию, ничто так не поднимает мужчину в его же собственных глазах, как безграничная, безотчетная любовь к нему женщины, к которой он, в свою очередь, равнодушен. Кристина всегда была для него лучшим лекарем. Когда у него не складывались отношения с теми женщинами, которые были ему нужны, он всегда мог обратиться к Кристине, которой был нужен он.

Или, может быть, все куда более прозаично? Кончились деньги? У Руслана никогда не было стабильного заработка, он вообще был никудышным работником. «Не царское это дело...» Если это ему удавалось, то он брал яркостью, оригинальностью, наскоком. В нем не было ни грамма усидчивости и ни толики трудолюбия. Так что он частенько был на мели — в кристально-чистом образе благородной бедности.

Кристина же была для него той кредитной картой с безлимитным доступом, к которой он всегда мог обратиться. Она никогда не жалела на него денег. Она никогда не считала их. Она не брала в голову, сколько тратит на его жизнь, на подарки ему, на оплату его долгов, на помощь его престарелой, больной матери, которую он фактически бросил. В Кристине жила странная уверенность, будто бы она тратит эти деньги не на него, а на себя.

Они объездили с ним полмира — всю Европу, Ближний Восток, тайские и латиноамериканские курорты. Разумеется, все за ее счет. Они останавливались в лучших отелях, обедали в самых дорогих ресторанах. Он проигрывал ее деньги в казино, на скачках, где придется. И все это только ради того, чтобы

ночью, когда они ложились вместе в двуспальную постель, Руслан поцеловал бы ее в щеку и пожелал спокойной ночи.

Только сейчас Кристина осознала всю низость, всю мерзость этих отношений. Теперь он стал ей отвратителен.

— И ты откажешь мне, если я приглашу тебя в «наше место»? — Руслан задал этот вопрос испытывающим тоном.

Он все еще был уверен в силе своих чар, он все еще думал, что стоит ему поднажать, и крепость, не выдержав натиска, капитулирует. Он так ничего и не понял. В крепости больше никого нет. Он может входить в нее, не напрягая мускулов. Входить и делать здесь все, что ему заблагорассудится. Теперь это не имеет ровным счетом никакого значения. Он проиграл...

— Отчего ж? Вполне можем сходить, — ответила Кристина.

Странно, но ей даже захотелось сделать это, пойти в то место, где они любили проводить время. Небольшой элитный ресторанчик в самом центре старой, купеческой Москвы. Да, она хотела пойти с ним туда. И это не было испытанием для нее, это было бы доказательством его поражения.

Уже через полчаса они вошли в холл этого ресторана. Их приветствовал услужливый персонал. Столик на двоих, у самого окна. Свечи. Изысканное меню. И ощущение, что ты находишься внутри кинофильма. Смотришь на происходящее, а тебе кажется, что все это происходит не с тобой, словно бы понарошку. Кругом — актеры, декорации. Сейчас кто-то крикнет: «Стоп камера! Спасибо! Все свободны!»

Руслан пытается произвести впечатление. Раньше Кристина этого не понимала, она не видела всей искусственности его позы, его масок, не замечала его притворства. Сейчас чары Руслана не действовали, и он все больше выходил из себя:

— Неужели ты больше меня не любишь?!

— Нет, больше не люблю. Извини, — ответила Кристина.

Она улыбалась и смотрела не в глаза Руслану, а на его глаза. Как и прежде, он был очарователен. Длинные волосы, тонкий нос и волевой подбородок, лощеные руки аристократа. Постарел, конечно, но это его не слишком испортило. Хотя... Да, возраст.

Возраст — это способ думать о смерти.

— А как же твои клятвы? Ты же говорила, что будешь любить меня всегда, — Руслан, казалось, хотел этим как-то поддеть Кристину.

— «Всегда» — это слово для вечности. В вечности я любила и продолжаю тебя любить. В вечности мое чувство нашло себе место. Но не в этой жизни... Извини.

— Кристина, но неужели же совсем ничего не осталось? — теперь Руслан буквально молил ее.

— Знаешь, я очень благодарна тебе, — Кристина задумалась, глаза Руслана забегали. — Очень. Нет, правда. Я, кажется, перестала бояться смерти. Это ты меня научил.

— Я?!

— Да, Руслан. Да. Я думала, твой уход — это хуже смерти, ведь я боялась его больше смерти. Но ты ушел, и ничего не случилось. Ни-че-го... Смерть — это как твой уход. Страшно, но терпимо.

Кристина, сама того не желая, сказала это так, что у Руслана затряслись поджилки.

-- Кристина ! — его лицо свела судорога.

«Эх!» — Данила выдохнул и вдохнул так, словно бы только что поднялся с тридцатиметровой глубины.

Он пришел в себя почти мгновенно и поднялся на руках..

Тело еще плохо его слушалось, но дух был силен.

«Ангель, я узнал это место!

Я узнал место! Надо ехать!»

Мы выбежали на улицу и взяли машину.

Данила назвал примерный адрес.

И меньше чем через полчаса мы уже были на месте.

По дороге Данила пересказал мне свое последнее видение.

«Надо успеть, надо успеть!» — повторял он, как заклинание.

— **И**звините! Боюсь, что не смогу вас пропустить, — охранник, стоящий в дверях ресторана, преградил нам дорогу.

— Но почему? — удивился я.

— Мы фейс-контроль не прошли, — ответил Данила.

— Может быть, как-то можно все-таки пройти? — я продолжал настаивать.

— Для этого вам надо поехать переодеться, — сказал охранник и улыбнулся; судя по всему, он прекрасно понимал, что одеться должным образом мы все равно не сможем.

— Дайте пройти! — из-за спины охранника послышался раздраженный женский голос. — Что вы встали посреди дороги?!

Странная женщина, лет тридцати — тридцати пяти, беременная и в деловом костюме, протиснулась сквозь нас — охранника, меня и Данилу. Подошла к большому зеленому джипу и села на водительское место. На секунду нас ослепил свет фар, машина развернулась и исчезла за поворотом.

— Анхель, чтобы этот субъект нас пустил, — сказал Данила, указывая на охранника, — нужно подъехать на такой машине и в деловом костюме.

— Беременным быть не обязательно! — плоско пошутил охранник.

Я был настолько обескуражен всей этой ситуацией, что даже не смог осадить зарвавшегося ресторанный служащего.

— Давай подождем здесь, — предложил Данила. — Если Кристина еще не ушла, то мы должны будем ее увидеть. Впрочем, — тут он задумался, — я же не знаю, как она выглядит. Я ведь вижу ее глазами, а в моих видениях она ни разу не посмотрелась в зеркало.

— Как же мы ее узнаем? — спросил я.

Только если мы увидим кого-то, с кем она разговаривает, и кого я знаю, — ответил Данила. — Например, Руслана или Петра.

Мы отошли чуть в сторону. Мне вдруг подумалось, что, может быть, мы совсем не то делаем. Откуда известно, что видения Данилы и реальные события совпадают по времени? А может быть, эти его видения имеют какой-то переносный, символический смысл?

— Данила, — начал я осторожно, — а не лучше ли нам будет поискать этого Руслана Ветрова?

Тут у меня за спиной раздался испуганный голос:

— Что вам от меня надо?!

— В каком смысле? — я обернулся и увидел неизвестного мне мужчину.

— Руслан... — протянул Данила.

— Что вам надо, я спрашиваю! — Руслан сорвался на фальцет. — Вы от Толика? Да?! Я ему все отдам, у меня еще время есть. Не надо за мной следить!

— Мы, собственно, по поводу Кристины... — перебил его Данила.

— Я достану деньги! Слышите вы меня! Я их достану! — Руслан орал так, словно бы его режут. — Не важно, как!

— Где Кристина, черт возьми! — рявкнул на него Данила.

Какая вам разница, как я достану деньги! Я их достану! — Руслан был в панике, на его лице была гримаса ужаса, казалось, еще мгновение, и он будет валяться у нас в ногах, только бы мы ничего с ним не сделали.

— Скажи нам, где Кристина, — процедил Данила сквозь зубы.

— Я не знаю, не знаю! Она уехала!

— Когда? Куда? Где ее искать?! — продолжал Данила.

Руслан ссутулился, стал закрывать голову руками, а потом вдруг рванул с места и помчался прочь.

Я уже было бросился за Русланом, но Данила меня остановил.

— Не будем его догонять. Жалкое зрелище. Он принял нас за каких-то бандитов. Если он и Кристину сдаст — это будет совсем отвратительно.

Данила развернулся и, опустив голову, побрел в направлении Тверской улицы. Я последовал за ним.

— Анхель, а как ты думаешь, он ее любит? — спросил меня Данила спустя какое-то время.

— Руслан — Кристину? — признаться, я удивился. — Станный вопрос. Он ведь ею пользуется.

— В этом мире все смешалось, Анхель. Ничего не разобрать, — Данила говорил медленно, растягивая каждое слово. — Ему понадобились деньги, и он вспомнил о Кристине. Вспомнил о Кристине, и подумал о ее чувствах. Подумал о ее чувствах и растрогался. Растрогался и почувствовал, что любит... Ведь может такое быть?

— Ну, в принципе, может.

— Вот и я думаю: любит он ее или не любит? И можем ли мы судить о человеке, о его чувстве, оценивая лишь его первоначальные побуждения.

— В смысле? — я не совсем понял, что Данила имеет в виду.

— Ну, в смысле... Вот представь себе человека — не важно, мужчину или женщину.

Он или она завязывает отношения с кем-то из корыстных соображений — что-то ему или ей от него надо. А потом влюбляется.

И я спрашиваю себя, можно ли верить такому чувству? Не может ли быть, что человек просто убедил себя в том* что он любит. Убедил, чтобы не мучиться угрызениями совести? Мол, это я не из корыстных соображений, это я по любви в этих отношениях. Понимаешь?

— Да. На этот вопрос трудно ответить.

— И вот я рассуждаю дальше. А если человек влюбился только потому, что другой человек оказался ему физически привлекательным, не то же ли это самое, что и с корыстью?

— Данила, ты хочешь сказать, что если кто-то влюбляется просто потому, что он физически увлечен

другим человеком, то это такая же корысть, как и любая другая? — этот вывод, признаться, ошеломил меня. — Но как тогда понять? Ведь желание физической близости от любви отсоединить невозможно! Любящий нуждается в близости с любимым человеком!

— Именно, Анхель! Именно! Какая разница, что лежит в начале любви? Какая разница, на каком основании она произрастает? Что было в начале? В одном случае, человеком двигало желание обрести некий статус.

Например, женщина хотела выйти замуж, как и ее подруги, чтобы не казаться белой вороной. Потом она влюбилась в своего избранника, но не сразу. Можем ли мы сказать, что это ненастоящая любовь?

Или другой пример: мужчина пытался завоевать какую-то недоступную ему женщину. И не потому, что она ему нравится, а для того, чтобы выглядеть в глазах своих друзей и знакомых более значительным, эдаким «мачо». Позже он в нее влюбляется, но ведь эта любовь с червоточинкой — сначала он обманывал эту женщину.

В другом случае, это деньги. Женщина хочет, чтобы ее мужчина был состоятельным, мог обеспечить ее саму и ее детей. Конечно, такой мужчина будет вызывать в ней какие-то чувства. Корыстна ли она, если состоятельный мужчина кажется ей более привлекательным, чем босяк, который никак не преуспел в этой жизни?

Или вот еще пример. Мужчина надеется, что влиятельная женщина окажет ему какую-то протекцию, если у них возникнут близкие отношения. Он будет испытывать к этой женщине благодарность и... в конечном счете, любовь. Но любовь ли это? Многие скажут, что нет, а он скажет, что да. Кому верить?

Наконец, секс. Человек просто хочет с кем-то физической близости. Банальное желание, но он убеждает себя, что любит. Ну, не ради же секса он сочиняет все эти свои баллады и клянется в верности?! Нет, он любит, причем, в первую очередь!

Все смешалось, Анхель. Все смешалось. Я ничего не понимаю. Когда мне говорят об искренней любви, я и не знаю, что думать.

— Да, я вспоминаю сейчас «Русалочку». Она ведь тоже любила не просто так. Она надеялась, что любовь к Прекрасному Принцу обессмертит ее.

Данила шел дальше в прежней задумчивости. Мне казалось, что мы то приближаемся к разгадке тайны первой скрижали, то, напротив, оказываемся все дальше и дальше от нее. Что вообще такое эта скрижаль? В каком виде она досталась Кристине? И досталась ли?

Надо где-нибудь добыть денег, — Данила прервал свое молчание. — Если мы не будем соответствовать Кристине, то в следующий раз нас опять куда-нибудь не пустят. Ни в ресторан, ни в офис. Одному богу известно, где нам предстоит эта встреча... От продажи комнаты у меня осталось совсем немного денег, на них прилично в Москве не оденешься.

— Можно попробовать продать мой браслет, — предложил я. — Мама дала мне его со словами: «Это не для защиты. Он в помощь». Защищаться нам, действительно, пока не от кого, а вот помощь необходима. Не знаю, правда, сколько за него могут дать.

Не раздумывая больше ни минуты, мы отправились в ближайший ювелирный магазин. Там на мой браслет посмотрели и сказали, что нам нужен профессиональный оценщик. Мы были у него уже следующим утром, и здесь нас ждала большая удача.

Оказалось, что это вовсе не простой браслет. Сначала, правда, старый оценщик, взявший браслет на экспертизу, решил, что мы где-то его украли. Но мой паспорт с фамилией Куатьэ произвел на него магическое действие.

Старик рассказал нам легенду, которая связана с этим браслетом. Один из Людовиков имел связь с фрейлиной королевы. От этой связи родилась девочка, которую выдали замуж за графа де Куатьэ.

Король подарил этот браслет своей незаконнорожденной дочери в день ее свадьбы. С тех пор он передается из поколения в поколение в семье де Куатьэ. Так он и попал от моего отца моей матери.

Этот браслет был внесен в специальные каталоги, но несколько десятилетий назад пропал из поля зрения коллекционеров. За него нам могли предложить гигантскую сумму, и, разумеется, я не стал отказываться.

Оценщик дал нам серьезный залог и взял браслет на комиссию. В течение двух-трех недель он обещал выплатить нам всю предполагаемую сумму.

— Так ты у нас королевских кровей расхохотался Данила, когда мы получили первые залоговые деньги.

— Да уж! — рассмеялся я в ответ. — Надеюсь, что ты у нас не из революционеров!

У нас было прекрасное настроение. Теперь, казалось, у нас не будет никаких препятствий, мы сможем найти первую Скрижаль Завета, а там уж...

Предвкушая скорую встречу с Кристиной, мы направились в первый попавшийся нам на глаза бутик и оделись в нем с ног до головы. Мы выбрали два одинаковых костюма — один светлый, для Данилы, другой — темный, для меня. Сюртучного вида пиджаки с воротником-стойкой, скроенные по фигуре. Брюки,

ботинки.

Весь магазин сбежался смотреть на то, что из нас получилось. Выглядели мы колоритно. Рост у нас почти одинаковый. Данила — русый и светлокожий, я, наоборот, черноволосый и смуглый. Костюмы подчеркнули эту разницу, но при этом сделали нас странным образом похожими друг на друга.

— Ну, прямо как два ангела — белый и черный! — воскликнула женщина средних лет, заведующая кассой.

— Спасибо на добром слове! — рассмеялся Данила.

Расплатившись, мы направились к дому.

Данила ждал третьего видения.

По опыту своих прежних приключений он знал, что в череде событий третье — всегда самое важное. «Тройка» — это кульминация и перерождение.

Последующая «четверка» — это не четверка, а новая единица. «Не случайно у сказочных героев всегда только три попытки. Они или воспользуются третьей, или пиши — пропало!» — сказал

Данила.

Впрочем, любой индейский шаман подтвердил бы правильность его слов.

Итак, мы ждали и дождались.

«Ангель! — позвал Данила, и я уже знал продолжение его фразы. — Началось!»

Женя, перестань! — Кристина смеялась, глядя на очаровательного мужчину двадцати семи — тридцати лет.

Женя относился к разряду тех мужчин, которые до седин остаются «молодыми красавчиками». В юности они — «сладкие мальчишки», в тридцать — они просто «очаровательны» и «просто очаровательны». В пятьдесят они — мужчины «приятной наружности».

Большинство мужчин проживает две жизни — до и после свадьбы. До свадьбы — они стройные, быстрые, решительные; после свадьбы — они толстые, медлительные и пассивные. Тип мужчин, к которым относился Женя, иной. В его случае свадьба, брак, семья не имели ровным счетом никакого значения — ни для психического состояния, ни для физического облика.

Мужчины этого типа всегда следят за собой. Их желание нравиться и быть в форме с годами не становится меньше. Они не так озабочены доказательством собственной мужественности, как желанием быть просто востребованными. Им нравится нравиться — таково кредо.

Все это вместе взятое позволяет им не сваливаться в мужиковатость, но и мужественности в них, как оказывается, не много. Ведь мужественность — это способность нести ответственность. Мужчина — это тот, кто защищает. Мужчины, подобные Жене, столь очаровательны, что у сильных женщин невольно возникает желание заняться их защитой.

— Я тебя не смешу! — с наигранной серьезностью отвечал Женя, продолжая гримасничать.

— Зачем ты меня позвал? — Кристина продолжала смеяться.

Просто соскучился, — Женя, как и всегда, отвечал прямо и без затей. — *Думаю*, как там поживает моя Кристина? Вопрос есть, а ответа нет. Вот и позвал. Свое кафе хотел тебе показать. Ты ведь у меня не была ни разу.

— Нет, не была, — Кристина огляделась по сторонам. — Хорошее. У тебя всегда был удивительный вкус, Женька!

— Еще бы! — это прозвучало как комплимент Кристине.

— Какой ты все-таки сукин сын! — у нее даже зажгло щеки.

— Какой есть! Таким и любят! — после этих слов Женя выдержал небольшую паузу. — Ты ведь любишь меня, Кристина?

— Господи! — Кристина почувствовала приступ чудовищной тошноты. — Вы что, все с ума посходили, что ли? У нас что, объявлена охота на Кристину Александровну?

— Снова Руслан объявился? — голос Жени понизился и стал жестким.

— Да... — нехотя протянула Кристина.

— И Петр не отпускает? — продолжил Женя.

— Не отпускает, — эхом ответила Кристина и уставилась куда-то в сторону.

— Понятно.

Женя имел удивительную способность — понимать тебя и не напрягать этим. Когда-то Кристина была буквально заморожена этой его способностью. Такт, деликатность, предупредительность были его биологическими чертами. Это как с интеллигентностью, которую нельзя воспитать, она или есть от природы, или ее нет вовсе.

Они встретились впервые лет пять назад, может быть, чуть меньше. Кристина как раз выходила из своего очередного штопора, вызванного уходом Руслана. Женя стал для нее своего рода отдушиной, глотком свежего воздуха. Он словно бы сказал ей: «Жизнь продолжается, Кристина. Жизнь продолжается».

Может быть, ему и не очень-то нужна была любовь Кристины. Может быть, он и не слишком-то ее

хотел как женщину. Но его природная чуткость и странное для нашего времени стремление заботиться о том, кто в этом нуждается, сделали свое дело. Он ухаживал, как и касался — едва заметно, но так, что все внутри переворачивалось от восторга.

В жизни Кристины это был, наверное, самый странный роман. Женя — любовник милостью небес. Он чувствовал женщин, словно бы сам был чуточку женщиной. Он знал, что они хотят услышать, а чего им никогда не следует говорить. Он знал, чего они желают, о чем думают, что чувствуют. И это было не теоретическое знание, это было ощущение момента. Каждый его поступок, каждый элемент его ухаживания всегда оказывался кстати, своевременен, а это особенно дорого.

Сколько женщин он выручил в трудную минуту? Даже трудно себе представить! А сколько сердец он разбил? И не сосчитаешь. Но обвинить его в этом было бы преступлением. В конце концов, он ведь никогда ничего никому не обещал, никогда не клялся ни одной из них в вечной любви. Его роль — роль доброго самаритянина: помогать страждущим и получать в качестве вознаграждения их выздоровление.

Он шел туда, где был желанен и был там так, что отпускать его никому не хотелось.

Иногда Кристине казалось, что Женя просто не может влюбиться, не способен на это чувство. Чтобы любить, нужно иметь что-то внутри, какой-то особенный надрыв, внутренний излом. Без этого — невозможно, без этого человек, словно манекен, он «нормальный», ему непонятно, почему чувство важнее прагматических соображений.

Да, чтобы любить, нужно быть ненормальным — чуть-чуть сумасшедшим, чуть-чуть несчастным, чуть-чуть отчаянным. Конечно, все эти качества проявляются лишь в какие-то минуты, лишь в момент зарождения и расцвета чувства. Но они должны быть!

У Жени ничего этого не было никогда. Он казался настолько мягким и податливым, настолько восприимчивым и предупредительным, что ломаться в нем, положительно, было нечему. А риск, безумие, страсть — все это и вовсе противоречили его образу.

Кристина несколько раз пыталась заставить его показать себя, проявить свою сущность. Она надеялась вылущить из него его мужественность, надавить на его внутренний стержень. Но все пустое. Он улыбался, смешил ее и пропадал... надо полагать, с другими женщинами, которым в эту минуту он был «нужнее».

Он всегда жил за счет женщин. Они или давали ему работу, или просто финансировали. Вот какая-то очередная спасенная им жертва несчастной любви подарила ему кафе. Его это не смущало, а если и смущало, то где-то глубоко внутри. А то, что у него внутри, он никогда никому не показывал. Может быть, там и не было ничего?

Пока Кристина не поняла Женю, она очень страдала. Но когда поняла, все встало на свои места. Он не мужчина в жизни, он мужчина момента. Момента прекрасного, чудного, даже завораживающего, но только момента. Он, как ночная бабочка, как мотылек-однодневка. Совместным может быть только времяпрепровождение, но не жизнь.

И как же странно было слышать от него этот вопрос: «Ты ведь любишь меня, Кристина?» Эта спрашивающая манера настолько не в его духе! У Кристины на миг возникло ощущение, будто бы она ослышалась.

— Конечно, я люблю тебя, Женя. Мы ведь друзья, — сказала она через минуту.

— Только друзья? — и снова этот тон!

А разве нет? Разве у нас какие-то *другие* отношения?! — Кристине вдруг вспомнился тот вечер, когда она впервые узнала, что Женя, кроме как с ней, встречается параллельно еще с двумя девушками.

— Я думал... Может быть... Ну, я не знаю...

— Ты уж не замуж ли меня сватаешь? — Кристина чуть было не потеряла дар речи и дико расхохоталась.

— А что такого? — Женя не понял ее реакцию.

— «Что такого»? Ты спрашиваешь — «что такого»? Женя, ты в своем уме?! У тебя температуры нет?

— Ладно, хорошо. Я пойду, если ты не возражаешь, — растерянный, он встал со своего места и пошел к двери.

Мысли Кристины путались. За последние три дня трое мужчин, которым она посвятила всю свою жизнь, чью любовь или хотя бы понимание она ждала все эти годы, вдруг решили брать ее штурмом. Как раз тогда, когда она приняла для себя решение — «все, конечно, завязываем с любовными коллизиями».

И на сей раз Данила точно знал место. Нам оставалось только добраться до него, причем как можно скорее. Удача не подвела нас, и мы были в этом кафе меньше чем через четверть часа. «Ты не видишь Женю?»

— спросил я, когда мы вошли внутрь.

«Нет, не вижу», — протянул Данила.

«Неужели опять опоздали?..»

В кафе было несколько женщин, большинство совсем молодые, несколько — чуть старше тридцати. «Не может быть!» — прошептал Данила..

— «Что?!» — я встrepенулcя и посмотрел в сторону, куда указывал взгляд Данилы.

Чуть слева от нас за небольшим отдельно стоящим столиком сидела женщина, та, которую мы видели прошлым вечером. «Что вы встали посреди дороги?! Дайте пройти!» — пронеслось в моей голове. Кристина!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мы с Данилой переглянулись. Целую неделю мы искали этой встречи, столько узнали об этой женщине...

И что теперь? Подойти, спросить: «Как дела?»

Да и так ли уж мы много знаем о ней, если до сих пор даже не догадывались, что она беременна?!

А может быть, это и не она, просто совпадение...

Мы стояли в нерешительности, не зная, то ли уйти, то ли остаться.

«Э-эх, была не была!» — прошептал Данила и направился к женщине, в которой мы узнали Кристину.

— **К**ристина, добрый день! — Данила, видимо от нерешительности, пропел эту фразу, словно мальчик из церковного хора.

— Кто вы?! — женщина посмотрела на нас с удивлением и настороженностью. — разве мы знакомы. — И да, и нет, — ответил Данила, чувствуя, что никаких более подходящих объяснений своим действиям ему не найти.

Секунду я раздумывал. Можно, конечно, сказать ей, что мы два товарища (один — что-то вроде русского Ильи Муромца, другой — мексиканский шаман), которым дано задание вселенского значения — спасти нашу цивилизацию от неминуемой гибели. А подошли мы к Кристине, чтобы выяснить содержание Скрижали Завета, которую в ее существовании запрятала Тьма.

Исход такого обращения представлялся мне следующим — шесть месяцев в российской психиатрической больнице с диагнозом «шизофреническое расстройство личности», и последующее постановление суда, запрещающее нам когда бы то ни было приближаться к Кристине ближе, чем на два километра. Она слишком серьезная женщина, чтобы поверить во весь этот «бред».

Можно было начать сначала — рассказать все, что случилось с Данилой и со мной, а потом попытаться объяснить Кристине ее роль в происходящем. Но станет ли она нас слушать? Вряд ли. Стало понятно, что надо идти на абордаж, или — все, пропали. В голове пронеслась фраза, произнесенная женщиной в магазине одежды...

— Мы ваши ангелы, Кристина, — сказал я без тени смущения или сомнения.

Повисла долгая пауза, и вдруг Кристина расхохоталась.

— Поняла, это первоапрельская шутка с запозданием на несколько месяцев! Кто вас прислал, интересно мне знать? Ха-ха-ха! Нет, постойте! Тут где-то должна быть скрытая камера! Угадала?!

— Нет, не угадали. Мы ваши ангелы, — повторил я, отдавая должное ее выдержке и чувству юмора.

И снова напряженное молчание. Я вглядывался в ее лицо, пронзительные, одухотворенные глаза в окружении тонких, изогнутых ресниц. Какая она красивая! Нет, у нее не было красоты женщины с глянцевого обложки. Кристина была прекрасна иначе, своим существом.

Во всем ее образе читалась внутренняя сила и одновременно с этим та слабость, которая и делает женщину женщиной.

Кристина производила впечатление абсолютно уверенного в себе человека. Но за всей этой ее броней стояло нечто большее, нечто другое. Ей отчаянно недостает надежного плеча, человека, которому она могла бы доверить свою жизнь. Нет, выше того — нежного человека, которому она могла бы доверить свою жизнь!

Женщины сильны от природы. Природа возложила на них священную обязанность продолжать человеческий род. Но быть сильной через силу — этого от женщины потребовало наше общество. Мы любим говорить — «человек», и теряем главное. Мы забываем о душе и сущности пола. Но именно они, взятые вместе, и составляют подлинную жизнь.

— Ладно, хорошо. И что понадобилось ангелам в этом забытом богом месте? — Кристина вдруг посмотрела на нас серьезно.

— Ангелы приходят, чтобы помогать, — ответил Данила.

— Я произвожу впечатление человека, который нуждается в помощи? — Кристина пронзила нас своим испытывающим взором.

Господи, сколько в ней было достоинства!

— Все люди нуждаются в помощи, — сказал я. — Можно мы присядем к вашему столику?

— Да, можете присесть, — судя по всему, Кристина не особенно обрадовалась моей просьбе. — Только не надо общих фраз. На них жалко и времени, и сил.

— Это не общая фраза, — Данила продолжил мою мысль.

— Вы так полагаете?.. — Кристина внимательно посмотрела на Данилу. — Допустим. Но давайте все-

таки конкретно. Я беременна девочкой и не хочу ее рожать. Чем вы можете мне помочь?

— А почему вы не хотите рожать? — удивился Данила.

— Вот, видите! Это все общие слова — «помощь», «все нуждаются в помощи». А когда дело доходит до конкретной проблемы, сразу начинается — «почему?», «зачем?», «с чего вы взяли?», — ее голос стал жестким. — Для меня это проблема. Большая проблема. Вам даже не понять, какая это для меня проблема.

Впервые в жизни я поставлена перед фактом, и ничего не могу с этим сделать. Понимаете, вы, я *ничего не могу с этим сделать*. Я приговорена. Это как смерть, это неизбежность. Ты вынужден это принять, ты не можешь это контролировать. Тебя словно бы нет, ты словно умер. Все, закончим на этом маскарад. Ангелы...

Сказав это, глядя нам прямо в глаза, ошарашив нас, она встала со своего места и быстрым шагом направилась к выходу. Мы были буквально парализованы. Ни я, ни Данила не смогли среагировать должным образом — что-то сказать или сделать.

Стеклопанель кафе жалобно звякнула, джип, припаркованный у входа, взревел, выкатился на проезжую часть и исчез в неизвестном направлении.

*Оторопевшие, растерянные, мы остались сидеть в кафе.
Нужно было что-то решать, что-то придумать. Все, что случилось с Кристиной за последнее время,
превратило ее в оголенный нерв.
Она так долго ждала, что все эти мужчины ответят ей взаимностью, поймут и оценят ее...
Теперь это произошло, и она ощутила отчаяние.
Всему свое время... И оно утнуто.
То, что этим «кавалерам»
нужно было сделать вчера, сегодня уже не имеет никакого смысла.
Они потеряли прекрасную женщину, а мы сейчас, может статься, потеряем Скрижаль Завета.*

— **Ч**то будем делать? — спросил я у Данилы.

— Анхель, это какой-то тупик, — Данила бормотал себе под нос. — Что мы можем ей сказать? Она переживает самые тяжелые дни в своей жизни. Какое ей дело до спасения мира?! Она бы, скорее, согласилась его погубить...

Кожей я ощущал, как духи темных сил сгрудились рядом и теперь двигаются вокруг нас по все сужающейся спирали. Если мы теряем хотя бы одну Скрижаль, мы теряем все. Даже шесть не окажут своего действия, нужны все семь, только вместе они будут иметь силу. Тьма не случайно рассеяла Скрижали Завета между разными людьми. В этом ее замысел — рассеять и уничтожить.

Сильные, но отчаявшиеся люди — лучшее место для сокрытия тайны Спасения. Они пронесут свою боль с честью. Они ни с кем ею не поделятся. Им не станет легче. Сильный человек постоянно над пропастью, всегда в зоне риска. Его внутренняя сила — это его рок. Если бы он знал Скрижали Завета, то эта сила была бы, верно, его даром. Но сейчас, когда Дух Жизни слабеет день ото дня, этот «дар» — жестокое наказание.

Вдруг Данила поднял голову и прислушался. За соседним столиком, который отделяла от нас небольшая перегородка, шел оживленный разговор. Там сидели мужчина и женщина. Мы не видели их лиц. Но, судя по всему, он давал ей интервью.

— Тогда такой вопрос, — быстро и весело тараторила девушка. — Вот вы написали в своей книге, что внутренняя сила человека — это не награда, не подарок, или как там?.. А бремя. Знаете, это парадоксальная мысль!

— Нет, не бремя. Ответственность, — мужчина отвечал своей собеседнице спокойно и доброжелательно, словно бы разговаривал с ребенком.

— Ну, не бремя. Неважно. Ответственность, — быстро согласилась девушка. — Но почему?

— Каждый из нас один на один со своей жизнью. Как мы ее проживаем — зависит от нас. Но ведь важно еще и кто *мы*. Кто мы *внутри*. Понимаете?

Допустим, вы устроены просто и незамысловато. Ваше сознание — лишь калька с общественных представлений, сборник банальностей и расхожих сентенций. В вас нет внутренней силы и нет чувства постоянной борьбы. Что ж, наверное, это неплохо, ведь в этом случае вам гарантирована спокойная и счастливая жизнь. Вы будете плыть по течению, приспособливаться. И никогда не узнаете, что такое настоящая душевная боль.

Но свою сущность, как и родителей, не выбирают. Может статься, что вы по-настоящему уникальны. Вы вынуждены думать, потому что не можете иначе. Наконец, внутри вас — сила и боль. В такой ситуации ваше счастье превращается в мечту, в мираж, рассеивается на глазах и пропадает. Вы ведь не станете плыть по течению, не сможете бесконечно переступать через себя. Вы будете испытывать потребность делать что-то, что кажется вам важным.

Иными словами, вы беспокойны, вам заказано тихое, безоблачное и непритязательное счастье. Почему? Потому что вы — заложник той силы, которую дала вам Жизнь.

Жизнь выбирает тех, на кого она может положиться. Она выбирает тех, кто сможет вращать Ее колеса.

В противном случае, инерция погубит Жизнь, и Она это знает. Среди нас есть те, кто едут в телеге, а есть те, кто эту телегу толкает. Если тебе многое дано, то с тебя многое и спросится. Другой отвечает только за себя, что, впрочем, уже немало, но ты отвечаешь и за других, а это уже тяжелая ноша.

— Очень интересная мысль! — воскликнула девушка забавным, покровительственным тоном.

В ответ ее собеседник только рассмеялся — тихо, по-доброму. И вся эта ситуация представилась мне необычайно трогательной. Он рассказывает ей о вещах, которые, быть может, она не в силах ни понять, ни осмыслить. Но он делает это так, словно бы верит — эту истину должен знать каждый. И он поймет ее, когда наступит его срок.

— Ты слышишь? — шепнул мне Данила. Я утвердительно кивнул головой.

— Хорошо, я записала, — деловитым тоном сказала девушка за перегородкой. — Тогда такой вопрос... В чем смысл жизни? Ведь зачем-то мы живем?

Данила чуть было не прыснул со смеху. Право, подобный вопрос выглядел, по меньшей мере, забавным, если не глупым. Но что ответит на него этот странный человек? Мы напряглись и продолжали слушать.

— Я думаю, что на ваш вопрос должен быть простой и понятный ответ. Понимаете, он слишком важен для того, чтобы Вселенная заготовила к нему сложную отгадку. Но я также уверен и в другом: мы не должны знать своего конкретного предназначения.

— Не должны знать своего предназначения?! Как так? Почему же?! — девушка была в недоумении.

Напряжение за нашим столиком достигло максимума.

— Это общее правило. Когда ты знаешь свою цель, ты пытаешься выбрать кратчайший путь. Но двигаться напрямик не всегда правильно.

В жизни же и швее нет прямых дорог. Жизнь сложна, а мы видим только одну небольшую ее часть.

Если ты знаешь свою цель, ты начинаешь торопиться, выбираешь неверный путь, спотыкаешься, оступаешься, злишься. И, в конце концов, отказываешься от своей цели, испытываешь разочарование.

Цель делает тебя хищником, но именно хищнику хуже всех. Он, как вечный студент, постоянно сдает экзамен на «аттестат зрелости». Незавидная доля...

— Как же быть? Как же идти к своей цели, если ты не знаешь, что она из себя представляет? — недоумение девушки достигло такой степени, что она чуть не заплакала.

— Это проще, чем вы думаете! — ответил мужчина. — Весь вопрос в том, доверяете вы Жизни или нет. Некоторые люди ведут себя так, словно бы они знают о Жизни больше, чем Она сама о себе знает. Они говорят: мы должны поступать так-то и так-то, потому-то и потому-то.

Но это даже смешно, ведь Жизнь не играет в игры! Она продолжает себя, и для Нее это работа. Тяжелая каждодневная работа. Для выполнения этой работы Она постоянно дает всем нам задания. Вот сегодня, например, Она дала вам задание взять у меня интервью. А мне — дать вам это интервью. Вопрос только в том, насколько хорошо мы с ними справились.

Изо дня в день мы получаем такие задания. И важно не содержание твоего задания, а то, как ты его выполнил. Кто-то делает это спустя рукава, кто-то не делает вовсе. Кто-то, напротив, старается изо всех сил. Кто-то пытается найти необычное, оригинальное решение. Все участвуют в этом, так или иначе. И каждый получит то, что заслуживает. Хотя, конечно, результат — он один на всех.

— А есть какие-то рецепты, чтобы хорошо справляться с этими заданиями? — спросила девушка.

— Есть и рецепт. Звучит он так: не должно быть никаких рецептов, — рассмеялся мужчина.

— Ну, здравствуйте... — озадачилась его собеседница.

— Да, не должно быть рецептов. Если появляется рецепт, то пропадает искренность, а без искренности ничего не получится. Когда ты делаешь что-то с задней мыслью, ты уже не можешь делать это, используя себя целиком. Твои возможности ограничены. Ты как бы рассеиваешь себя, теряешь целостность и силу целого.

Впрочем, мы часто не замечаем свои «задние мысли». Мы не хотим признаться себе, что мы не столько заняты самим делом, сколько получением прибыли. Причем любой — физической, психологической, материальной.

Иногда получение прибыли может быть делом. Это так. Но тогда и нужно заниматься получением прибыли. Если же это отношения с другим человеком или даже любовь к нему, то такой «задней мысли» просто не может быть.

Данила внимательно посмотрел мне в глаза. Казалось, что этот незнакомый нам человек не дает никакого интервью, а говорит непосредственно о нас и для нас.

Сначала он упомянул тех, кого выбирает Жизнь, желая на них положиться. Он словно бы говорил о Кристине. Им будет больно и тяжело, но жаловаться стыдно — тебе многое дано, а потому и спрашивается с тебя многое.

Потом он говорил о нашей с Данилой поспешности. О нашем желании достичь своей цели, готовности идти напролом, о нашем заблуждении, будто бы мы знаем все и, главное, как. Так что теперь нам уже не

казалось странным, что мы упустили Кристину.

Мы думали не о ней, а о Скрижали, мы шли не помочь Кристине, а за Скрижалью. Мы не были искренними в своем поступке, и поэтому потерпели неудачу. Прибыль оказалась нам на миг важнее человека. А когда тебе кажется, что некая вещь важнее человека, ты неизбежно терпишь неудачу.

Ну, хорошо. Я все поняла, — самоуверенно резюмировала журналистка. — Последний вопрос. Хотела спросить вас про любовь. Когда я прочитала вашу книгу про мужчин и женщин, я была потрясена! Такой необычный взгляд на эти вещи! Но почему вы говорите, что любовь — это болезнь?

— Я говорю, что любовь становится болезнью, — голос мужчины зазвучал тише.

— Ну, хорошо. Почему она *становится* болезнью?

— Как вам это объяснить... — мужчина задумался. — Помните русские сказки, которые заканчиваются словами: «И я на той свадьбе был, мед-пиво пил...»

— Да, конечно.

— Какое препятствие стоит в них на пути главного героя?

— Ну, по-разному, там, — девушка напряженно сосредотачивалась. — У одного — Кощей Бессмертный, у другого — Змей Горыныч... Или какой-нибудь царь-самодур, баба-яга...

Вы перечисляете символы препятствий, их художественные образы. А суть препятствия в чем?

— Ну, я не знаю...

— В сказке героя обязательно ждет перерождение. Внешне это всегда происходит по-разному. Он, например, был жестоким, бессердечным и эгоистичным. А в конце сказки перерождается — становится добрым, внимательным, чутким и отзывчивым.

Иногда перерождение прямо пальцем показывают. Например, Иван прыгает в котлы с водой студеной, кипяченой... Кажется, он должен погибнуть. Но гибнет только прежний Иван, Иван-дурак, а на свет появляется новый, настоящий Иван, Иван-царевич.

Наконец, во многих сказках перерождение показывается образно. Главный герой или превращается в животное или, напротив, ждет обратного перерождения в человека. И это не только в русских сказках. Подобные сюжеты встречаются по всему свету, причем и в религиях. Вспомнить хотя бы египетского бога Ра или Будду, переродившегося в момент своего просветления. Христос перерождается...

— Ну, а причем тут любовь? — журналистка, чувствовалось, напрягалась, наконец, не вытерпела и перебила своего собеседника.

Любовь?.. — на секунду мужчина задумался. — Это как смерть. Понимаете? Человек как бы теряет, отдает себя. Он словно гибнет, но не умирает. Он перерождается для новой жизни. Любовь — это опыт смерти и воскрешения. Так должно быть, но так не случается.

— Не случается? — переспросила девушка.

— Нет, не случается, — в голосе мужчины снова появилась какая-то тоска. — Люди разучились любить. За любовью современного человека всегда стоит желание какой-то выгоды. Мы не любим другого человека, мы любим свое желание в нем. Мы обманываем себя. Наша любовь лишена искренности, спонтанности. В ней нет ничего настоящего, только иллюзия, только изображение, подражание...

— Вы в этом так уверены? — в словах девушки сквозило недоверие.

— А вы — нет? Современный мужчина относится к женщине двумя способами. Или как к проститутке — то есть хочет ее, но не испытывает к ней уважения. Или же, напротив, как к матери, то есть уважает ее, но при этом недвусмысленно смотрит на других женщин. В таких условиях женщина просто не может быть Женщиной! Потому что Женщина — не мать и не проститутка, она Женщина.

Так что и самой женщине приходится как-то подыгрывать мужчине, искать способы привлечь или удержать его. Может ли она смотреть на него глазами любви, когда у нее нет ощущения надежности, нет полноты чувства? Не может. Странно ли, что наступает момент, когда она разочаровывается? Любовь становится расчетом.

Женщина решается на обмен. Кто-то соглашается на секс, кого-то устроят деньги, кому-то достаточно эмоциональной поддержки. А какая-то женщина надеется, что у нее будет от любимого мужчины ребенок. Родившийся малыш станет свидетельством ее так и не разродившегося когда-то чувства.

Все, что мы называем любовью, превращается в обмен услугами. И это уже не любовь. Любовь — она как смерть...

— Вы уже говорили это, — девушка попыталась вернуть своего собеседника в русло заданного ею вопроса.

— Да, говорил. Понимаете, это как перед смертью, как в смерти... Исповедоваться, омыться, одеться во все белое. Это символы конечно, но символы чистоты, внутренней очищенности, освобождения от своего «я», своего «эго». И без этой жертвы любви не может быть. Но это и не жертва вовсе, да и любовь — не узы. Подлинная любовь — это, напротив, освобождение.

Чтобы родиться заново, нужно умереть, а умирать страшно. Да и кто знает, будет ли после смерти новое рождение? Что там — пустота или новая жизнь? Неизвестно. И вот уже человек боится, цепляется за

свою жизнь, за свою самостоятельность, за свое «эго». А в результате действительно умирает. Как в сказке про Конька-Горбунка: царь испугался прыгать в котлы, послал Ивана. Иван переродился, а царь сварился.

— Очень интересно вы рассказываете! Я вас прямо заслушалась! Такие все мысли, мысли! Глубокие!
— молоденькая журналистка продолжала и продолжала сыпать своими неловкими комплиментами.

Девушка говорила, мужчина молчал. А мы с Данилой принялись шепотом обсуждать услышанное.

— Это не случайная встреча, Анхель! — прошептал Данила.

— Нам нужно познакомиться с этим человеком! — поддержал его я.

Мы словно по команде встали со своих мест и обошли перегородку. За столом никого не было. Мы растерянно огляделись по сторонам.

— Простите! — Данила окликнул официанта. — А тут только что сидела пара. Где они?

— Только что ушли, — учтиво ответил официант.

— Как ушли?! Мы же не видели, как они уходили! -- удивился я.

— Они вышли через вторую дверь, — пояснил официант, указывая в противоположную часть кафе.

Там действительно был выход, а стеклянная дверь, потревоженная парой, только что покинувшей кафе, все еще продолжала раскачиваться из стороны в сторону.

Мы выбежали на улицу и осмотрелись. Среди сотен людей не узнаешь незнакомца...

«Данила, — сказал я по дороге домой, — теперь, когда мы видели Кристину, у нас есть возможность попасть в ее сновидение.

Может, попробуем? Вдруг она нас выслушает?»

— «В любом случае надо попробовать», — ответил Данила. Я не надеялся в одночасье обучить Данилу контролю над сновидениями, это могло потребовать времени.

Но у меня был план.

Я надеялся войти в его сновидение, и уже вместе с ним проникнуть в сновидение Кристины.

Я дал Даниле небольшие инструкции, а потом сам долго настраивался.

Задача была непростой. Я никогда не делал этого прежде.

Знал только, как эти переходы из сна одного человека в сон другого делал мой дед Хенаро.

В своем сне я оказался на границе двух миров — между бескрайней пустыней и многовековым лесом, между пеклом палящего солнца и влажной темнотой сибирской ночи. Я долго смотрел на свое тело со стороны, потом обошел его кругом и проник вовнутрь. Оно стало меня слушаться.

Куда теперь идти — в выжженную пустыню или в лесную чащу? Мне приходилось выбирать между известным и неизвестным, между понятным и непонятным. Я раздумывал несколько минут. Пустыня напоминала мне мою родину, лесные чащобы звали к моему предназначению. И я выбрал непонятное, незнакомое...

Мой путь лежал сквозь густой таежный лес. По дороге встречались поваленные деревья, огромные рвы. Я спотыкался, падал, но продолжал двигаться дальше. Вокруг — непроглядная ночь, холодно и влажно.

— Данила! Данила! — кричал я.

Он не отвечал, и потому я шел наугад. Через какое-то время моему взору открылась небольшая поляна. В центре нее стояла покосившаяся избушка, освещенная холодным светом полной луны. Приблизившись к ней, я заметил, что внутри движется небольшой огонек.

Я ускорил шаг, поднялся по скрипучим ступенькам почти развалившегося крыльца и дернул тяжелую дверь. Она еле держалась на проржавевших петлях, и потому от рывка буквально вывалилась на меня, издав пугающий грохот.

— Кто там?! — услышал я голос Данилы.

— Это я — Анхель! — ответил я.

— Проходи! — позвал Данила.

Свет шел откуда-то справа. Я сделал несколько шагов в темноте, потом нагнулся и через очень низкий дверной проем прошел в небольшую комнатку. На полу, рядом с печью, в свете тлеющей лучины сидел Данила.

— Где мы? — спросил я его.

— Мы в доме Схимника. Здесь жили хранители Скрижалей Завета. Сюда я должен был поспеть к сроку, и не успел. Теперь непреодолимой силой влечет меня в этот дом. Кажется, я назначен последним схимником, смотрителем *места* — поруганной святыни, храма, который покинули Боги, — на последних словах Данила горько улыбнулся. — Мне заповедана роль смотрителя кладбища...

В голосе Данилы звучала тоска. Смертельная мука и боль снедали его сердце. А я ведь и не догадывался, как сильно он переживает из-за своей ошибки. Если бы он сразу послушался знаков, то, вероятно, наше положение не было бы сейчас столь плачевным. Возможно, человечество не потеряло бы Скрижали. Но сделанного не воротишь. Впрочем, пока остается хоть какая-то надежда, нужно двигаться

дальше.

Тут я задумался. Я вспомнил прежний рассказ Данилы. Дом схимников сгорел в страшном лесном пожаре! Следовательно, мы не могли быть в нем. Более того, память Данилы не могла воспроизвести, реконструировать этот дом, ведь он его никогда не видел! Для воссоздания образа он должен был знать какие-то детали, хоть что-то! Но он не знал ничего!

Кому-то, возможно, это и не покажется странным, но не мексиканцу. Я понял, что мы находимся в необычном сне. Это сон-символ! Такие сны редко даются человеку, но если он получает подобный сон, это знак. В этом сне многое может решиться.

— Данила, ты помнишь Кристину? — спросил я.

Мне было важно понять, находится ли в этой части Данилиного сна информация о предыдущем дне.

— Кристину? — Данила задумался.

— Да, в ней первая Скрижаль Завета! — я попытался навести его на мысль.

Прошла секунда, другая, потом третья. Напряжение росло. Мне показалось, что время тянется бесконечно. И я уже готов был отчаяться, как вдруг Данила поднял голову и посмотрел на меня глазами человека, вспомнившего что-то необыкновенно важное:

— Да, да! Я помню! Я помню Кристину! Мы так долго искали ее!

Я подсел к нему, взял за руку и сказал:

— Данила, сейчас нам надо будет сосредоточиться и удерживать в своем сознании образ Кристины.

Это поможет нам попасть в ее сон.

— Как скажешь, Анхель! Конечно!

У меня отлегло от сердца — первый этап прошел удачно. Сейчас, если мы оба сможем сконцентрироваться на образе Кристины, то попадем в ее сон. Только бы она спала сейчас!

Время опять потянулось с черепашной скоростью, словно бы увязло в какой-то трясине. Я сосредотачивался на образе Кристины, и Данила сосредотачивался, но попасть в ее сон нам так и не удалось. Может быть, я что-то не так делаю?!

Я открыл глаза и слегка толкнул Данилу:

— Данила, видимо, надо идти.

— Хорошо, Анхель.

Мы вышли из дома в беспросветную ночь. Луну скрыли тучи. Лишь напрягая зрение, можно было различить силуэты предметов. Но и то с большим трудом. Я прочел заклинание внутреннего света, известное мне еще с детства. К счастью, это подействовало — лес озарился слабым светом. Деревья и кустарники словно подсвечивались изнутри темными, зелеными лампами.

— Идем, — сказал я Даниле и снова взял его за руку. — Думай о Кристине, представляй себе ее образ.

— Хорошо, — ответил Данила, и мы пошли.

Трудно сказать, сколько времени продолжалось наше путешествие — может быть, час или два. А может быть, и десять минут, минуту. Вдруг, Данила споткнулся и замешкался. Сначала я не придавал этому никакого значения, а потом оглянулся и увидел, как на моих глазах Данила буквально проседает в почву. Земля словно бы размякла под ним, стала жидкой, топкой.

— Данила! — закричал я и попытался вытащить его на поверхность.

Но чем больше я тянул своего друга, тем сильнее он увязал в земле. Постепенно и я оказался в этой затягивающей нас воронке. Тут на моих глазах картина переменялась. Мы уже были не в лесу, а на песчаном обрыве. Данила висел над пропастью, а я, лежа на краю осыпающегося склона, держал его за руку.

Страх объял меня, я был в панике. И когда наше падение казалось мне уже неизбежным, Данила поднял голову, посмотрел на меня снизу вверх и произнес:

— Не надо держаться, освободись... — в его глазах читалось спокойствие и уверенность, он улыбался.

— Освободиться?.. — я все еще не мог побороть свой страх.

— А что ты боишься потерять? — спросил Данила.

Этот вопрос Данилы стал для меня моментом истины. Я, понимающий, что нахожусь во сне, боялся разбиться, погибнуть. А Данила, который не контролировал свое сновидение, не понимал, что спит, задал мне этот — простой и совершенно очевидный — вопрос: «Что я боюсь потерять?»

Действительно! Что мы боимся потерять в смерти? Если вся наша жизнь — это лишь наши привязанности, если мы — это наши привязанности, то подобная потеря — это не утрата, а обретение свободы. Если же мы — это наша душа, не связанная с этим миром, то мы и вовсе ничего не теряем!

«Что ты боишься потерять?» — прозвучал в моей голове голос Данилы.

Господи, да я ведь ничего не боюсь потерять. Напротив, моя цель — найти! Я посмотрел на Данилу, в его светлые, улыбающиеся глаза и снял усилие. Мне подумалось, что сейчас мы будем падать. Но мы, напротив, стали взлетать, подниматься вверх. И тут я увидел, что за нашими спинами развеваются большие невесомые крылья.

Мы пронеслись над бескрайними таежными лесами. Под нами лежали необозримые ландшафты —

гигантские горные хребты, степные просторы, заснеженная тундра, покрытый льдом океан. Глубокие озера и нетронутые человеком долины радовали глаз. Бурные реки и отвесные скалы завораживали. Весь мир, казалось, лежал у нас на ладони.

И вдруг...

— **К**ристина, ты проклята! Ты поняла, наконец, что ты проклята?! — чудовищный голос, подобный грозным раскатам, звучал откуда-то совсем сверху.

Мы начали снижаться и через пару минут оказались посреди бескрайнего поля. Пасмурное небо было покрыто серыми свинцовыми облаками. Промозглый ветер буквально валил нас с ног, издавая жуткий свист и прижимая к земле пожухлую траву. Где-то впереди виднелась гигантская, уходящая в облака горная вершина.

— Чей это голос? — спросил Данила.

— Не знаю, — шепнул я в ответ. — Кажется, мы попали в сон Кристины. Пойдем, подойдем ближе к этой горе.

Несмотря на отчаянные порывы ветра, мы двигались достаточно быстро. И скоро нам стало понятно, что перед нами вовсе не гора, а подол черной рясы. Одетое в нее существо было столь большим, что мы видели лишь его нижнюю треть. Верх терялся за облаками. Именно это существо говорило с Кристиной.

— А где Кристина? — только и успел вымолвить Данила, когда мы увидели ее, стоящую на коленях перед этим существом в черной рясе.

— Ты должна убить своего ребенка, Кристина! — продолжало чудовище.

— Я не могу этого сделать, — еле слышно отвечала ему Кристина.

— Что?! Что ты сказала?! — чудовище было вне себя от гнева. — Я не прошу, я приказываю тебе!

— В чем он виноват?! Почему ты мстишь моему ребенку?! — Кристина не желала сдаваться, но голос ее звучал, как мольба.

— Грехи матери лягут на ее дочь! Ты хочешь обречь свою девочку на страдания?! Нет, я не жесток, Кристина. Это ты жестока! Подумай о том, на какую жизнь ты ее обрекаешь! Ты хочешь, чтобы она мучилась всю свою жизнь?! Мало ты насмотрелась на мужчин, которые пользовались тобой?! Тебе этого недостаточно?! Такой доли ты желаешь своей дочери?!

— Она... она сможет, — еле слышно отвечала Кристина.

— Мир жесток, Кристина! — продолжало чудовище в рясе. — Мир очень жесток! Он требует от женщины, чтобы она была сильной! Но разве может сильная женщина быть Женщиной?! Разве сможет она быть самой собой?! Ты хочешь, чтобы твоя дочь страдала! Я понял это! Ты мстишь ей, а не я! Ты мать, которая ненавидит свою дочь! Дочь, еще не рожденную! Ты мстишь ей за то, что ты сама не можешь быть Женщиной!

— Она сможет, — повторила Кристина. — Она справится...

Чудовище разразилось громогласным хохотом:

— На! Смотри, что она сможет!

Вмиг на стальной пелене неба появилась картина. Мы увидели молодую женщину, идущую по расцвеченному огнями городу в сопровождении мужчины. На лице девушки читалось отчаяние, на мужском лице — холодность и пренебрежение. Она еще совсем молода, но ее сердце уже знает, что такое душевная боль.

— Вот твоя дочь! — провозгласило чудовище. — Ей двадцать. Она любит этого мужчину, а он играет с ней. Ему интересно ее мучить. Он забавляется. Ему приятно чувствовать свое превосходство, когда он видит ее слезы.

Он наслаждается ее трогательными признаниями, которые повышают его самооценку. И чем сильнее она его любит, тем больше в нем искушение заставить ее мучиться. Крепость только сдалась, и он уже думает о других крепостях...

Она родит ему двух детей, а он будет изменять ей. Она устроит его быт, а он, в ответ, станет относиться к ней, как к прислуге. Она пожертвует своей карьерой, поддерживая его, а он обвинит ее в несостоятельности. Она будет любить его, а он за это будет ее ненавидеть. Ибо мужчины не могут и не умеют любить!

— Она переживет это. Все женщины переживают подобное. В этом нет ничего страшного. Такова судьба женщины, — тихо прошептала Кристина.

— Ладно, согласен, — гулким эхом ответило чудовище. — Но что ты скажешь на это?..

Картина на небесной глади переменилась. Мы снова увидели дочь Кристины, но теперь уже тридцатилетней. Она стояла в коридоре большого офиса и выслушивала упреки начальника-мужчины. Потом она плакала у окна, скрывая свои слезы. А какие-то люди шептались у нее за спиной, произнося разные гадости.

— Вот твоя дочь! — снова голос чудовища звучал остервенелым накатом. — Ей тридцать. Она умна и талантлива, но ее бездарный начальник не понимает этого. Он не дает ей реализоваться и присваивает

результаты ее труда. А когда она получит возможность подняться по карьерной лестнице, он скажет ей: «Мне не нужен руководитель в юбке!»

За свою работу она будет всю жизнь получать меньше, чем работники-мужчины. Потому что их слушают и ценят, но не ее. Она попытается устроиться на другую работу, но ее не возьмут, потому что не поверят в ее способности. Ведь она женщина! Она решится открыть свое дело, но не сможет противостоять грубому натиску конкурентов-мужчин.

— Она переживет и это. Все женщины переживают подобное. В этом нет ничего страшного. Такова судьба женщины, — сквозь зубы, сдерживая слезы, шептала Кристина.

— Переживет, но будет несчастна... — отвратительным голосом протянуло чудовище в рясе. — Но что ты скажешь на это?...

Картина на небесном склоне переменялась в третий раз. И снова на ней была дочь Кристины. Ей уже пятьдесят. Она постарела и осунулась. Небогатая квартира пуста. Она разговаривает с сыном по телефону. Он отвечает ей сухо и старается поскорее закончить их разговор. У него своя семья и на мать у него просто нет времени. С дочерью-подростком она не общалась уже несколько месяцев. Она даже не знает, где она и с кем.

— Вот твоя дочь! — голос чудовища был торжествующим. — Ей пятьдесят. Муж уже не живет с ней, дочь с ней не общается, у сына не хватает на нее времени. Она совсем одна, она коротает свои дни на скучной работе. Ее единственный собеседник — телевизор, который рассказывает ей о счастье, которого никогда не было в ее жизни.

Она твоя дочь! Ей тоскливо и одиноко. Она ничего не добилась, ничего не смогла. Муж предал ее, дети отвернулись, подруги заняты своими проблемами. Она чувствует свою ущербность и не знает, как ей быть, потому что единственное ее желание — это наложить на себя руки. Но и на это ей не хватает сил...

Теперь скажи мне — она переживет и это?! Нет, молчи, не отвечай. Я скажу: она не переживет этого! И это твоя вина!

Кристина пыталась что-то ответить своему мучителю, но слезы душили ее. Приступ невыносимой душевной боли, словно осиновый кол, пронзил ее сердце. Она упала наземь, издав ужасающий крик вселенского отчаяния.

— Убей свою дочь! — заорало чудовище. — Прояви милосердие!

Глядя на это голое, бескрайнее поле под свинцовыми небесами, сознавая весь ужас происходящего, чувствуя невыносимую тоску, я понял, что не могу двигаться. Меня словно парализовало. Ноги, казалось, утопли в земле и стали ватными. У меня не было сил даже думать. Голова превратилась в пустой барабан, а в нем истовым гулом продолжал пульсировать глухой удар.

— Кристина! Кристина! — я видел, как Данила бросился к лежавшей на холодной земле женщине. — Кто отец ребенка?! Кристина, кто ее отец?!

Я не понимал, что происходит. Почему Данила задает ей этот дурацкий вопрос? Как — «кто отец ребенка»? Конечно, ее муж... Муж?! Петр?! Нет, этого не может быть! Иначе бы он говорил о ребенке, пытаясь удержать Кристину. Он бы обязательно говорил о ребенке! И ведь они не были близки уже больше года...

Господи, да ведь мы не знаем, кто отец ее ребенка!

Данила тряс Кристину за плечи, смотрел ей в глаза и все повторял, повторял свой вопрос: «Кто отец ребенка?! Кристина, кто отец ребенка?!»

Кристина подняла голову и смотрела на Данилу широко открытыми глазами. В них был не то испуг, не то удивление. Видимо, она не понимала, кто перед ней. Не могла взять в толк, что спрашивает у нее этот странный, взявшийся ниоткуда человек. Силилась понять — зачем он это делает? Силилась — и не могла...

— Да, кстати! — обратилось к Кристине чудовище в рясе. — Это твои ангелы. Самые настоящие. Они пришли, чтобы продемонстрировать тебе твою бессилие!.. Ты родишь девочку, и она будет несчастной! И никто, никто не в силах тебе помочь!

Безумный, безудержный, отвратительный хохот чудовища заполнил пространство. Этот ужасный, мерзкий звук сотрясал землю и колебал небесный свод. Картинка дрожала, словно бы кто-то колотил по ней с неистовой, все возрастающей силой. Возникло ощущение чудовищного землетрясения или смерча.

Я проснулся под звук душераздирающего крика: «Кристина, кто отец ребенка?!» Это был голос Данилы. Я схватил его плечи и начал трясти. Но он не приходил в сознание и продолжал кричать.

Я ужаснулся. Казалось, еще мгновение, и он уже не вынырнет из омута этого кошмара:

— Данила, просыпайся! Ради всего святого, очнись!

Глаза Данилы открылись. Слезы, решительность и отчаяние предстали моему взору.

— Слава богу! — воскликнул я и перевел дыхание. — Наконец-то! Данила, как ты?..

— Нормально, все хорошо... — его губы почти не разомкнулись.
 — Но как ты догадался?! — затараторил я. — Она ответила?..
 — Тихо, тихо... — прошептал Данила, поднялся на локтях и встряхнул тяжелую голову. Он выглядел обессиленным — усталым, измученным, истощенным.
 — Так она ответила?.. — переспросил я через минуту.
 Нет, но мы узнаем. Это важно. Нужно найти отца ребенка... — протянул Данила.
 — Да, без него Тьму не одолеть... — задумался я.
 — Какую Тьму? — удивился Данила.
 — Как какую? Это же очевидно! Кристина в плену у сил Тьмы! Это чудовище в рясе...
 — Ты что, Анхель! Это не Тьма! — Данила даже рассмеялся, беззвучно.
 :— В каком смысле?.. — я не понял этой странной реакции своего друга.
 — Это просто страх, Анхель! Это просто ее страх!
 — Страх?!

— Ну конечно! — Данила печально улыбнулся. — Я не знаю, как это дело объяснили бы твои индейские предки, но в России думают так... Моя девушка, я тебе о ней рассказывал (это она когда-то записала меня на прием к астрологу), увлекалась психологией. Она читала книгу какого-то русского психолога, и в ней он рассказывал про сновидения.

Он называл их, если я ничего не путаю, «рациональным безумием». Все, с чем мы встречаемся в сновидении — это части нас самих. Сон — это своеобразное раздвоение личности, но не настоящее сумасшествие. Сначала мне в это не верилось, но потом я понял. В каждом из нас идет борьба. Разные силы, живущие в нашей душе, словно бы раздрают ее на части.

Когда мы бодрствуем, эта борьба выражается внутренним диалогом. Иногда даже спором, который мы ведем сами с собой. Мы ведь постоянно о чем-то думаем, дискутируем внутри своей головы. Если бы этой внутренней борьбы не было, то нам и думать бы не пришлось. Все было бы очевидно, а об очевидном нельзя дискутировать. Так что эта борьба идет. Во сне же борющиеся в нас силы обретают некие образы, подчас страшные, превращаются в символы.

Так что чудовище из сна Кристины, подол которого мы приняли поначалу за гору, — это никакая не Тьма, Анхель. Это часть самой Кристины, это ее страхи! Мы видели во сне Кристину, но это не сама Кристина, а только ее часть, причем свободная от страха. Обе эти «силы» живут в ней. Живут и противостоят друг другу. И она борется, только сама с собой, а не с Тьмой!

Есть в ней еще и другие силы... Почему-то же она не вместе с отцом своего ребенка?..

Я с трудом понимал Данилу. Он говорил то же, что и Источник Света: «Тьмы нет, но есть только страх». С другой стороны, я всю жизнь слышал о снах совсем другое. Мой дед навахо говорил мне, что сон — это параллельный мир.

Но он никогда не уточнял, что этот мир — мы сами...

— Получается, что наши сны — это и есть мы настоящие?! — вдруг до меня дошла эта абсолютно очевидная, как казалось теперь, мысль. — Если собрать все компоненты наших снов воедино, то получится наш истинный портрет?

— Ну, конечно! Я не верю, что Кристина хочет смерти своему ребенку. Этого просто не может быть! Но она испытывает какой-то страх. Кажется, что она боится за ребенка, но здесь было что-то другое. Этот страх обрел в ее сне очертания чудовища. Не случайно, кстати, оно было в рясе!

— Но существо в рясе не может требовать смерти кого бы то ни было. Тем более ребенка удивился я.

— В этом-то все и дело, Анхель! Когда я об этом подумал, то все сразу встало на свои места. Я понял!

— Что понял?... — я снова начал путаться.

Данила стал быстро объяснять: — Священник может вменять только грех. Это символ, понимаешь?! Она стояла перед ним на коленях, словно бы исповедовалась в грехе. Когда я все это сопоставил, то понял, что она считает прегрешением какой-то свой поступок!

— Прегрешением?! — я никак не ожидал такого поворота.

— Да, Анхель! Да! — воскликнул Данила. — Может быть, в отношении отца этого ребенка?..

— Интересно, а сама она это понимает? — задумался я.

— Наверное, нет. Иначе все было бы куда проще. Вот почему нам и нужно найти этого мужчину!

В течение нескольких часов после этого разговора я испытывал сильнейшее внутреннее напряжение. Я пытался согласовать свои прежние знания о сновидениях с тем, что рассказал мне Данила.

Дед учил меня, что реальность, которую мы видим, создана нашим сознанием, что она — фантом, сложная иллюзия, некий мираж. А вот сон — это подлинная реальность. Слова Данилы ничуть не противоречили этому.

Мы не знаем истинной природы вещей, более того — не понимаем себя. Нам только кажется, что мы знаем свое «я», но в действительности это иллюзия. Человек намного сложнее, нежели он сам о себе думает. Но главное — он раздроблен, разделен.

Наш сон — это своеобразный спектакль, в котором все роли поделены между нашими составными частями. И только если человеку удастся установить подлинные связи между элементами своего сна, он

узнает свое «я».

Все складывалось, но загадка оставалась — а где же дух человека, его душа? Страх не может быть составляющей духа. Страх — это свойство личности человека. Но его душа принадлежит Источнику Света, она не может «бояться»!

*Сам того не заметив, Данила научился контролировать свои сновидения.
Он решил эту, на самом деле, очень трудную задачу, с легкостью.
Видимо, потому что он не пытался добиться результата искусственным напряжением воли_ и
работой сознания.
На этом часто спотыкаются европейцы, соприкасаясь с мистическими практиками востока и
индейцев.
Лучшие учителя магии — естественность и спонтанность.
Теперь Данила научился управляться и со своими видениями!
Четвертое видение не заставило себя ждать... Данила стоял посредине комнаты, и что-то
говорил мне.
Потом он вдруг как-то засуетился, обхватил руками голову и повалился в кресло.
«Наконец-то!» — только и успел вымолвить Данила.*

Привет, мой малыш, привет! — нежный, любящий мужской голос приветствовал Кристину в трубке мобильного телефона.

— Никита! — воскликнула Кристина, и сердце ее сжалось.

Кристину накрыло волной щемящей, трогательной нежности. Она не пожалела бы вечности, чтобы изо дня в день слушать и слушать, как эти слова слетают с его уст: «Мой малыш...» А ведь Никита младше ее на целых двенадцать лет!

Эта гигантская разница в возрасте повергала Кристину в ужас. Она пыталась заставить себя не думать о жестоких цифрах, датах, календарях. Она гнала мысли о своем и его возрасте, словно жестокий навет. Но факт есть факт, от него не уйти.

— «Ты старше его на целых двенадцать лет... — слышала она свой собственный внутренний голос. — Это безумие!»

— Ну, ты у меня держишься молодцом? — заботливый голос Никиты, как и всегда, был полон энергии и природной силы.

Они познакомились с Никитой волей самого провидения. Полтора года назад. Тогда между ее работой и домом выросла невидимая глазу стена, пропускавшая ее только в одну сторону — только на работу. Возвращаться домой, в семью, к мужу стало для нее мукой.

Был поздний вечер. Кристине не хотелось идти домой. Она кружила на своем автомобиле по освещенному фонарями городу и почти машинально заехала в кинотеатр. Этим можно скоротать, как минимум, два часа. До очередного сеанса еще оставалось время, и она взяла в баре чашку горячего капучино.

Он сидел за соседним столиком. Один. Молодой, рослый, красивый. Его мужественное лицо украшала удивительная улыбка. Почему он один? Такой мужчина просто не может пребывать в одиночестве. Ей хотелось спросить его об этой странности, обратиться к нему. Так располагали к себе его большие, почти зеленые глаза.

— «Ах, да, конечно! — подумалось ей в тот момент. — Он, верно, ждет кого-то. Сейчас покажется великолепная блондинка лет восемнадцати, подсядет к нему, и... Положит свою голову ему на плечо. Мужчина, которому хочется положить голову на плечо. Спрятаться в его объятьях...»

— «У вас такие грустные глаза... — сказал он вдруг, обратившись к Кристине. — Хотите, я попробую вас рассмешить?»

— «Грустные глаза?... Нет, просто уставшие», — Кристина не поверила своим ушам, растерялась, стала оправдываться.

— «Я же вижу, что грустные, — спокойно ответил юноша. — Если не хотите веселиться, давайте я погрощу вместе с вами?»

Он улыбнулся, и у Кристины защемило сердце. Неужели такие бывают?

«А вы разве никого не ждете?» — спросила она его вдруг.

«Захотелось побыть одному», — ответил он, и она, буквально кожей, почувствовала его искреннюю, не знавшую отчаянья душу.

«Что ж, вы заговариваете е незнакомкой?» — сама не зная зачем, парировала Кристина.

«Просто я посмотрел на вас... И мне расхотелось быть в одиночестве. Впрочем, если вы не рады нашему знакомству...»

«Я рада», — выпалила вдруг Кристина, и тут же зарделась столь несвойственным ей румянцем.

Он рассмеялся — весело, задорно, завораживающе. Кристина еще больше смутилась и, неожиданно для себя, тоже рассмеялась.

«Вы так прекрасны, — сказал он с необыкновенной нежностью через секунду. — Кто отпустил вас

одну?»

«Я сбежала...» — Кристина сказала это и тут же осеклась.

«Да, вы можете!» — он произнес это так весело и в то же время так серьезно, что Кристина чуть не расплакалась.

Господи, он словно бы смотрел в ее душу! Смотрел и видел. Видел Кристину насквозь, видел и не презирал. Нет, напротив, он смотрел в ее душу любящими глазами. Взял в ладони и смотрел — чуткий, нежный, замороженный ее красотой.

«Я сейчас разревусь...», — прошептала Кристина и коснулась кончиков своих глаз.

«Хочешь поплакать — плачь...», — сказал юноша, подсел к ней и открыл свое плечо.

И она разревелась — прямо здесь, в киношном баре, на плече у незнакомого мужчины, совсем еще мальчика. Она разревелась, испытывая счастье. Замужняя, серьезная тетка на плече у юноши с большими зелеными глазами. Ей было стыдно до ужаса, и ей совсем не было стыдно.

Мужчина, которому хочется положить голову на плечо...

— Золотце мое, чего ты молчишь? Задумалась о чем-то? — Никита весело рассмеялся в телефонную трубку.

— Да, Никита, задумалась, — протянула Кристина, но тут же взяла себя в руки: — Нет, не задумалась. Просто что-то со связью...

— У тебя действительно все хорошо? — переспросил Никита встревоженным голосом.

— Все нормально, не волнуйся, — Кристина буквально выдавила из себя эти слова. — Как погода в Лондоне? Хорошая?

— Да, нормальная лондонская погода. Дождь моросит, люди ходят, — отшутился Никита. — Но что-то с тобой не так? Чувствуешь ты себя нормально? Не тошнит? Ничего не болит?

— Потягивает...

Вот уже несколько дней боль внизу живота была нестерпимой. Кристине казалось, что этот спазм уже никогда не пройдет, что она будет мучиться этой болью до окончания времен. Иногда приступы этой боли доводили ее до головокружения, до полуобморочного состояния.

— А ну, дай-ка я поговорю с нашей малышкой, — скомандовал Никита.

Кристина постояла секунду с каменным лицом, потом послушно отняла трубку мобильного телефона от своего уха и приставила ее к животу. «Какой он все-таки ребенок...»

— Девочка моя, ты что безобразничаешь? — нежный, отеческий голос звучал в трубке. — Мамочке же больно. А ну-ка, давай будем молодцом — повернем головку...

Кристина снова прочувствовала всю силу этой боли, от которой, как ей казалось, она только, наконец, отвлеклась.

«Какой он все-таки ребенок! — эта мысль снова раздосадовала Кристину. — Он верит, будто бы с плодом можно разговаривать! Он же ничего не слышит! И уж, конечно, ничего не понимает!»

— Малышка, маме тяжело держать тебя в животике. У нее и животик болит, и ножки болят. Помнишь, я тебе рассказывал, у нее, — тут Никита перешел на заговорщический шепот, — плоскоштопие... И она никому про это не рассказывает. Стесняется... Это большая тайна! Только мы с тобой знаем... Когда вырастешь, никому об этом не рассказывай!

Кристина мысленно улыбнулась. Однажды у них с Никитой вышел шуточный спор. Никита как-то искал повод задержаться, не уходить после их короткой встречи. Придумал какой-то нелепый повод, сказал, что он нужен Кристине «как доктор». Кристина ответила, что доктор ей не нужен, потому что она абсолютно здорова.

Никита не сдавался и потребовал от нее добровольного согласия на немедленное «медицинское освидетельствование». С боем — шумной возней на кровати — оно было проведено. И у Кристины обнаружилось плоскостопие! Она тогда очень удивилась и переспросила: «Плоскостопие?!» От неожиданности вышло именно шепелявое «плоскостопие». Очень комично... они оба смеялись.

Потом он часто подшучивал над ней, повторяя это так полубившееся ему слово — «плоскостопие». Ему нравилось видеть ее трогательное смущение, забавную серьезность ее очаровательного протеста. И сколько нежности, сколько любви он вкладывал в это слово!..

Никита всегда смешил ее, любил смешить. В такие моменты она театрально хмурилась: «Ну, перестань дурачиться!» На самом деле это значило: «Господи, как я люблю тебя!»

— Давай, золотце мое, — Никита продолжал свои бессмысленные переговоры с плодом. — Повернись, малышка. Совсем чуть-чуть... И мамочке станет легче. Ей ведь тяжело тебя носить. Ты стала совсем большая...

— «Нет, это невозможно! — Кристина начала выходить из себя. — Что за глупость?! Нет!»

Ну... и... — протянул Никита.

И вдруг у Кристины внутри живота произошло какое-то движение, боль на секунду стала еще сильнее. Но вдруг, буквально через мгновение, прекратилась. Совсем! Спазм, мучивший Кристину на протяжении

нескольких дней, прошел, словно бы его и не было вовсе. Прямо на глазах, в эту самую секунду — Вот молодчина! — услышала Кристина из приставленной к своему животу телефонной трубки. — Как же тебя любит твой папа! Солнце мое! Скоро я возьму тебя на руки, и буду гладить по золотой головке. Золотой, как у мамы...

Подожди, совсем чуть-чуть осталось...

А сейчас давай прощаться. Я скоро приеду, пока!

Кристина отняла трубку от живота и поднесла ее к уху.

— Кристина!

— Да-да, Никита, я тебя, слушаю...

— Ну, как? Стало чуть полегче? — спросил он.

— Да, стало. Но это чудо какое-то, Никита. А я не верю в чудеса. Как ты узнал, что она повернулась?

— Просто почувствовал, — Никита сказал об этом, словно бы речь шла о совершенно очевидных вещах. — Она же так любит, когда с ней разговаривают...

— Нет, ерунда. Не может быть, — произнесла Кристина, словно бы говорила это самой себе.

— Но зачем ты терпела столько дней, Кристина? Почему не сказала? Мы с тобой по пять раз на дню созваниваемся... — досада звучала в голосе Никиты.

— А чем ты можешь мне помочь! — выпалила Кристина.

Ответа не последовало.

Кристина тупо уставилась в пол.

Эта любовь сделала ее счастливой и чуточку сумасшедшей. Впрочем, какое там «чуточку»! Она сводила ее с ума! С самого начала, с того самого вечера, когда они весь киносеанс просидели обнявшись в полупустом зале, она говорила себе: «Это просто увлечение! Случайная связь! Ничего не получится! Нельзя даже думать!» Она твердила это, как молитву. Твердила и не верила самой себе. Она любила...

Она любила Никиту так, как никого не любила в своей жизни. Впервые она испытывала то, что называется чувством взаимности. Она пыталась уверить себя в том, что это только иллюзия. Что любви у них не может быть в принципе. Просто юноше нравится ощущать себя взрослым с «солидной тетенькой». Поиграется и бросит...

Несмотря на свои двадцать с небольшим лет, Никита был уже совершенно взрослым и самостоятельным человеком. Он только заканчивал обучение в ординатуре медицинского университета, а его уже приняли на должность в крупнейший медицинский центр столицы. Родители обеспечили его отдельным жильем, машиной. Да он и сам себе на это теперь зарабатывал.

Впрочем, это все мелочи. Главное — он был абсолютно цельным и сильным. Настоящим мужчиной, с которым Кристина впервые почувствовала себя Женщиной. Мужчины раньше казались Кристине сгустками энергии. У кого-то из них этой энергии было больше, у кого-то — меньше. Никита был не сгустком, он был неиссякаемым потоком энергии.

В нем сосредоточилось все — обаяние балагура и стать почтенного мужа, серьезность бизнесмена и заинтересованность истинного ученого, артистизм и юмор, авантюризм и надежность. Он был «Человеком Растущим». Такое название Кристина придумала этому мужскому типу. Никита был единственным его представителем...

«Не поддавайся ему, Кристина! — говорила она себе. — Это безумие. Это тебя погубит!» Говорила и мечтала. Мечтала об одном — родить от него мальчика, маленького Никиту. Сына, который вечно будет с ней, который вечно будет напоминать ей об отце, о ее чувстве к нему. Он стал бы для нее доказательством невероятного, невозможного.

Год назад она сказала ему:

«Только не смейся, я хочу родить от тебя ребенка...»

Он ничуть не смутился и не удивился этому:

«А почему я должен смеяться? Я тоже очень хочу, чтобы ты родила мне ребенка. Чтобы именно ты родила мне ребенка! Я ведь люблю тебя...»

— «Ты не понял, Никита. Я хочу родить ребенка для себя. Чтобы это был мой ребенок. Понимаешь?»

— «Конечно, это будет твой ребенок! — ответил Никита. — Это будет твой ребенок. А я буду его папой».

— «Но... Папа не нужен», — выдавила из себя Кристина.

— «Нет, — Никита улыбнулся, — папа нужен. Куда же без папы?..»

— «Но... но... Но мы не будем жениться. Я не хочу больше выходить замуж. С меня достаточно...»

— «Не хочешь жениться, давай не будем», — Никита сказал это спокойным и уверенным голосом, но она почувствовала его напряжение.

— «Что тебе не нравится?» — спросила она.

— «Мне все нравится, Кристина, — он посмотрел на нее своими зелеными глазами. — Мне только очень больно за тебя.

Я переживаю, что ты мучаешься из-за этого... Ну, из-за своей супружеской жизни. Так хочется защитить тебя, чтобы тебе не было больно.

Никогда. Я все сделаю так, как ты хочешь. Но о чем бы ты меня не попросила, запомни одно: я не смогу не любить рожденного тобой ребенка. Даже если это будет не мой ребенок».

Кристина ждала этих слов всю свою жизнь. Но ведь это были не только слова, это было чувство, отношение. Это был сам Никита. Он был таким, каким Кристина мечтала его видеть.

«Да, пусть это ненадолго. Да, пусть он потом разлюбит меня. Я не хочу портить ему жизнь. Но со мной будет мальчик, его мальчик, мой мальчик».

А Бог дал ей девочку. Кристина восприняла это, как проклятье. Ее мечта лопнула, словно мыльный пузырь, растворилась, пропала, как радуга в пелене грозных туч. Через каких-то пару лет Никита разлюбит ее и уйдет. А она останется с девочкой, которой суждено всю жизнь страдать. Мучиться так же, как мучилась ее мать — мечтами, которые становятся явью лишь на мгновение. И только для того, чтобы мечтательница могла прочувствовать всю горечь неизбежного разочарования, пережить до конца всю боль неминуемой утраты своего счастья.

Я очень соскучился по тебе, Кристина! — прошептал в трубку Никита. — Уже совсем недолго осталось. Скоро я вернусь. Зачем только я согласился с тобой и поехал в этот чертов Лондон!

Да, это Кристина настояла, чтобы он поехал на стажировку в Лондон. Руководство клиники доверило Никите свое новое диагностическое подразделение. Для этого, впрочем, нужна была стажировка в аналогичном западном центре. Но Никита категорически отказался от этого предложения, он не хотел оставлять Кристину одну.

— «Ничего не случится! Чего ты боишься? Ты ведь успеешь к моим родам, — говорила она ему. — А тебе нужно пройти эту стажировку. Нельзя отказываться от такого предложения».

Никита смотрел ей в глаза. Она старалась выглядеть искренней. Но это не очень ей удавалось. Ведь она просто хотела отдалиться от него, отдалить его от себя. Нужно было жечь мосты. Мужчины отходчивы, а любящая женщина — это приговор. Пока же, как ей казалось, она еще может расстаться с Никитой относительно безболезненно.

Конечно, она лгала самой себе. Конечно, она не хотела ни этого его отъезда, ни его ухода из ее жизни. Да она и пережила бы его. Но представить себе, что они станут одной семьей, она не могла. Какая это будет семья? Молодой красавец, которому еще жить да жить, и она — стареющая дама, находящаяся в вечной борьбе с лишним весом и целлюлитом.

Его жизнь должна была сложиться, не могла не сложиться. Кристина очень хотела этого. Пройдут годы, он станет совсем взрослым. У него будет нормальная семья, молодая жена-красавица, трое карапузов, как он хочет. Все будет хорошо. Только она не должна этого видеть. Ей достаточно просто знать — у него все хорошо.

Это сейчас ему интересно с Кристиной. Он слишком зрелый для своих лет и, конечно, сверстницы кажутся ему неинтересными. Но это такой возраст. Потом все переменится. Умные женщины будут ему в тягость. Жизненный опыт он перестанет считать достоинством. Молодость и красота — вот что манит мужчин старше тридцати.

И вот еще что Кристина знала точно. Вынести, пережить его измену она не сможет. Его измена станет расплывшимся кофейным пятном на белоснежно-белой скатерти. Можно не замечать, но нельзя примириться. Что испорчено, то испорчено. Как она посмотрит после этого в его глаза? Что она там увидит?

Любовь, если это любовь настоящая, это дорога в один конец. Здесь не срежешь, не повернешь назад, не переночуешь в придорожном отеле. Любая ошибка — это сход с дистанции. Любовь — это длинный путь без права на ошибку. Путь длиною до первой ошибки. Кто собрался идти, должен идти... В этом счастье.

— Я тоже скучаю по тебе, Никита, — сказала Кристина, и слезы чуть не хлынули у нее из глаз. — У меня сейчас встреча, давай позже созвонимся.

— Давай. Нет, подожди! Что бы ни случилось, что бы ты ни думала... Слышишь меня, Кристина? Я люблю тебя. Слышишь? Больше жизни люблю...

— Хорошо, пока, — ответила она, пытаясь скрыть свои слезы, и отключила трубку.

Секунду-другую Кристина стояла в раздумье. Потом стала машинально ходить по квартире из одной комнаты в другую, из нее — в третью, на кухню. Она зашла в ванную и ее взгляд зафиксировался па собственном отражении в зеркале.

— Кристина, что ты собираешься делать? — услышала она голос Данилы.

— Кто это? Кто это говорит?! — по лицу Кристины пробежала легкая судорога испуга.

Это твой ангел. Помнишь — в кафе? Помнишь — во сне? — Данила понял, что она его слышит. — Пожалуйста, не делай сейчас ничего. Тебе только кажется, что все так плохо. Но это не так. Это только твой страх. Он тебя пугает. Пожалуйста, верь мне. Скоро все будет хорошо.

— А-а-а!!! — Кристина издала жуткий крик и бросилась прочь из ванной комнаты.

По дороге она схватила большую синюю сумку, наспех сунула в нее какие-то вещи и выбежала на

улицу. Сумка полетела в багажник зеленого джипа. Кристина села за руль.
Огни Тверской — последнее, что видел в этот раз Данила глазами Кристины.

— *Я ее напугал!* — сказал Данила, открыв глаза.
— *Не думал, что она может слышать мои мысли, когда видит свое отражение в зеркале-».*
Сказав это, Данила секунду раздумывал, а потом продолжил:
*«Она что-то задумала, что-то страшное.
У нас очень мало времени, Анхель.
У нас очень мало времени!»*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Данила еще не знал всех возможностей, которыми его наделил Источник Света.
Я еще не зная, какие возможности магии я смогу использовать в нашем поиске.
По сути, мы двигались наугад.
А время, действительно, поджимало.
Все, что у нас было — это имена двух людей, в соединении которых и состояла, как мы теперь
понимали, разгадка первой Скрижали Завета.
Впрочем, не скрижаль, но судьба этих двух, а точнее трех людей, тревожила нас сейчас более
всего.*

— Ну брат... — протянул Данила. — Больше права на растерянность и нерешительность у нас нет. Я не знаю, в чем угроза и где она. Но от этого совсем не легче.

— Боевые действия? — спросил я, машинально оправив ремень.

— Похоже на то. Можешь мне поверить! И я поверил, поскольку кому-кому, а вот Даниле про боевые действия известно все.

— С чего начнем? — у меня идей не было.

— Начнем с того, что очень захотим, — сухо резюмировал свой план Данила.

— В каком смысле? — не понял я.

— Еще до армии я понял одну важную вещь, — начал объяснять Данила. — Если ты чего-то очень хочешь, то обязательно получишь желаемое. Потом, правда, я в этом разуверился. А зря, это действительно так. Повидавшись со смертью с глазу на глаз, в чудеса, со временем, перестаешь верить. Хотя, наверное, должно быть наоборот.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду?

— Как тебе это объяснить?.. — Данила задумался. — Понимаешь, с судьбой ничего не поделаешь. Рок он и есть рок — двум смертям не бывать, одной не миновать. Но судьба — это больше, чем просто предначертанные тебе события. Это еще и то, что ты делаешь сам, своими руками.

Провидение нельзя просить только о двух вещах. О том, чего можно добиться своим трудом. Например, нельзя просить денег, славы или профессионального успеха. Здесь никому поблажек не будет. А если и будут, это только иллюзия поблажки. Фортуна обманчива. На самом деле, это искушение или испытание, даже проверка. Своеобразный сыр в мышеловке...

Вторая вещь, о которой просить Провидение нельзя, просто смысла не имеет, это то, чего в принципе не может быть. Нельзя просить невозможного — это естественно. Без толку просить о бессмертии или о том, чтобы другие люди переменились, стали другими. Это не в твоей воле — есть законы жизни, и есть чужие судьбы. Это не твоя епархия, из-за твоей прихоти они меняться не будут.

А все прочее просить можно. Только если просить сильным желанием. То есть всем своим существом просить. Понимаешь?..

— А что же, в таком случае, остается? — мне показалось, что Данила в этих двух выведенных им «исключениях» перечислил все, о чем вообще можно было бы попросить Провидение.

— Очень многое, Анхель! Очень многое! — улыбнулся Данила. — Судьбу можно попросить о мелочах.

— О мелочах?! — ответ Данилы показался мне по меньшей мере странным.

— Да, именно — о мелочах! Большое складывается из малого. Если ты просишь о большом, то Провидение тебе отказывает. Ведь в этом случае, Ему очевидно, что ты не понимаешь самого главного.

— А что главное?

— Главное — это твое соучастие, содействие своей собственной судьбе. Если ты собрался сразу на все готовенькое, значит, ты не готов помогать своей судьбе. Человеку, который сам себе не помогает, никто помогать не будет.

— Так о каких мелочах можно попросить? — я все еще не понимал, о чем толкует Данила.

— Слушай, неужели тебе об этом твой дед не рассказывал?

— Да о чем?!

— Ух... — Данила тяжело выдохнул и посмотрел на меня, как на нерадивого школьника.

И тут меня словно осенило! Действительно, мой дед постоянно твердил о чем-то подобном. Он говорил, что жизнь — это поток событий, идущих из прошлого в будущее. Что, на самом деле, люди живут в настоящем, но поскольку они думают только о прошлом и будущем, у них ничего и не получается. «Они принадлежат пустоте» — говорил Хенаро.

Если бы люди думали о своем настоящем, то они могли бы менять свое будущее. А в настоящем, действительно, есть только мелочи! Но все зависит именно от этих мелочей. Наше завтра зависит от того, что мы сделаем сегодня. Именно поэтому нельзя откладывать свои решения на завтра, на вечный «понедельник».

Если хочешь чего-то добиться — решайся и делай это прямо сейчас. Создавая свою жизнь, не жди попутного поезда. Все равно неизвестно, какой из них и куда идет. «Действуй!» — это самое любимое слово моего деда. И именно об этом сейчас мне толкует Данила! На секунду я даже смутился...

— Я все понял, Данила! Все понял! Не дуйся и не смотри на меня так! — я улыбнулся.

— Вот и хорошо! Итак, надо очень захотеть какой-нибудь мелочи деловито сообщил Данила.

— Чего захотим? — тем же тоном ответил ему я.

Данила посмотрел на меня и засмеялся. Потом вдруг стал серьезным и сказал:

— Никиту нужно найти. Сосредоточиться нужно и не сбиться.

Наше чувство внутреннего напряжения было столь велико, что сосредоточиться на этом желании труда для нас не составило.

Давай зайдем в кафе, которое принадлежит Жене? — предложил Данила, и я сразу же согласился.

Мы добрались до места, сели за столик, где два дня назад давал интервью тот странный человек. Данила подозвал официанта и уставился на него:

— Мы ждем Женю...

— Какого Женю? — не понял официант.

— Ему это местечко принадлежит, — протянул Данила.

— Подождите, я позову администратора.

Через несколько минут появился молодой человек в костюме.

— Вы Евгения Сергеевича разыскиваете? — спросил он, недоверчиво глядя на нас.

— Да, Евгения Сергеевича. Скажешь ему, когда он придет? — попросил Данила.

— Я бы с удовольствием, — молодой человек выглядел слегка обескураженным. — Да вот только он уехал.

— Уехал? — Данила изобразил удивление. — Ну, мы подождем.

Вы не поняли, он далеко уехал...

— Что значит — «далеко»?

— В Лас-Вегас...

— Да, тогда, видимо, мы его не дождемся, — как ни в чем не бывало сообщил Данила.

Мы тут же встали и удалились.

— Искусственно такие дела не проходят. Это должно само собой случиться. Просто нужно захотеть.

Пойдем, — сказал мне Данила, когда мы вышли на улицу.

— Куда? — удивился я.

— Просто пойдем...

— Ну, хорошо, — ответил я, и мы пошли.

Мы двигались от перекрестка к перекрестку, от поворота к повороту. Молчали и смотрели по сторонам. Прошел один час, потом другой, затем третий. Мы заходили — то в какой-то магазин, попавшийся нам по дороге, то садились в общественный транспорт.

— Зайдем перекусить? — предложил Данила, и я согласился.

Уютный ресторанчик в одном из бесчисленных московских переулков. Столик у самого окна, выходящего прямо на улицу. Два греческих салата и два крепких кофе. Данила закурил и уставился в окно. Смеркалось.

Я смотрел на него и думал: «Нет, так мы ничего никогда не найдем». Хотел сказать это Даниле, но сдержался. В конце концов, никаких других предложений у меня нет.

— Черт! — вдруг, воскликнул Данила. — Это Петр!

Он показал мне на человека, выходявшего в этот момент из припаркованной у тротуара машины.

— Петр?!

— Да, муж Кристины! Я узнал его! Быстрее!

Мы выскочили на улицу и увидели коренастого, коротко стриженного мужчину, направлявшегося в офисное здание напротив. Данила прибавил шаг и крикнул:

— Петр, какими судьбами?!

Петр обернулся и посмотрел на него с удивлением. Данила не дал ему опомниться:

— Петр, господи! Сколько лет, сколько зим! Как Кристина?!

— А мы... — Петр пытался сообразить, откуда Данила его знает.

— Ты что, не помнишь?! — рассмеялся Данила. — Мы же вместе отдыхали... В Испании!

— В Испании?.. На Тенерифе? — недоверчиво переспросил Петр.

Ну, да! Неужели не помнишь?!

— Ах, ну да... — протянул Петр, полагая, видимо, что встреча с этим незнакомцем действительно была в его жизни.

— А ты по-прежнему в автомобильном бизнесе? — Данила выкладывал все, что помнил из своего первого видения. — Слушай, а ты шикарно выглядишь! Как я рад!

— Да, я тоже...

— А как Кристина? Все также руководит, как его... Ну, этим... — Данила делал вид, будто бы название фирмы Кристины вертится у него на языке. — Я как раз хотел с ней поконтактировать. Как же это... Ну!

— С Московским строительным?..

— Ну, да! — Данила просиял, словно бы человек, которого сильно выручили подсказкой. — И Кристину заодно повидаю! Ну, ладно. Ты спешишь. Давай, бывай! Очень рад! Удачи...

Данила пожал Петру руку, круто развернулся и направился обратно к дверям кафе. Я видел, как Петр еще простоял какое-то время в нерешительности, слегка пожал плечами, почесал затылок и пошел дальше.

— Ye-e-ess! — Данила, сияющий, как медный таз, подмигнул мне правым глазом. — Московский строительный! Что за контора — пока непонятно. Но два слова — это уже много! Теперь возьмем справочник и обзвоним все фирмы с похожими названиями. Думаю, трудно будет ошибиться. Не всеми же «Московскими строительными...» руководят Кристины Александровны!

И мы, действительно, очень скоро напали на след.

Я никогда не думал, что в Даниле погиб великий артист. Впрочем, если бы ни стресс, то вряд ли бы мы оба были в таком «ударе». А «удар» этот требовался.

Охранник отказался пропускать нас внутрь офиса Кристины без специальных бумаг. И мне пришлось на несколько мгновений лишиться его работоспособности.

— Что ты с ним сделал? — шепнул мне Данила, когда мы прошли через охрану.

— Просто посмотрел ему в глаза, — ответил я, и подмигнул Даниле.

Объяснять Даниле способность индейцев навахо на мгновение вводить собеседника в состояние транса времени не было.

Плутая по длинным офисным коридорам, мы уточнили у спящих тут и там сотрудников конторы, где кабинет Кристины. Нам показали, и вот мы в приемной.

— Добрый день! — Данила обратился к секретарю Кристины.

— Добрый день! Что вы хотели? — спросила она.

— У нас встреча назначена с Кристиной Александровной.

— Да, но... — секретарь была в некотором замешательстве.

— Что но? — Данила изобразил наигранное недоумение.

— Кристина Александровна уехала... Я перезвонила всем, с кем у нее были запланированы встречи. Предупредила... А как ваша фамилия, простите?

Мы с Данилой переглянулись.

— Неужели же она нас не записала? — протянул Данила. — Ох уж эти беременные женщины...

Данила подсел к секретарю, вальяжно облокотился на крышку ее стола. Придвинувшись к милой даме всем корпусом, он посмотрел ей в глаза.

— Вечно они все забывают, путают и попадают в дурацкие ситуации. Мне тут Кристина рассказывала, как вас напугал Руслан Ветров! — Данила сначала говорил почти шепотом, а потом обаятельно расхохотался.

Секретарь Кристины вмиг смутилась и залилась пунцовым румянцем.

— А нам так надо с ней повидаться... — изображая растерянность, Данила продолжал атаку.

Я бы с радостью вам помогла, — секретарь сердобольно засуетилась. — Но Кристина Александровна отключила телефон. Все так внезапно произошло. Даже не знаю...

— Господи! — Данила театрально ударил себя по лбу. — Она же к Никите поехала!

— К Никите?.. — секретарь Кристина напрягалась.

— Ну, вы понимаете... — тон Данилы стал конфиденциально-доверительным.

— Да, точно! — воскликнул я. — Помнишь?! Кристина еще сказала, если мы ее не застанем, чтобы Никите прямо на мобильный позвонили.

— Да! Точно! — продолжая свою игру, Данила хлопнул себя по колену. — Где же у меня его телефон...

Данила стал демонстративно рыться в пустых карманах костюма:

— Ну, где же он?! У тебя нет?..

Я тоже стал рыться в своих пустых карманах:

— Господи, неужели потеряли?

— Спасительница вы наша, подскажите, а? — Даниле оставалось рассчитывать только на свое мужское обаяние.

Секретарь немного сконфузилась. Она исподлобья посмотрела на Данилу. Потом перевела глаза на меня. И мне пришлось снова вспомнить школу моего деда.

(Книга из электронной библиотеки неПУТЬёвого сайта <http://ki-moscow.narod.ru>)

Воцарилась тишина. Пауза протянулась несколько секунд. Секретарь Кристины машинально потянулась к левому ящику стола, достала из него небольшую папку, открыла ее и продиктовала нам телефон.

— Премного благодарны, — прошептал Данила.

— Всего доброго! — попрощался я.

И мы вылетели из офиса, словно бы нас в нем никогда и не было.

— Але, это Никита? — Данила говорил в телефонную трубку, напряженно глядя перед собой.

— Да, это Никита, — ответили ему на том конце.

— Никита, вы меня не знаете. Меня зовут Данила. Я по поводу Кристины.

— Да-да! Что с ней? Почему ее трубка уже второй день не отвечает?! Что-то случилось?! — голос Никиты был встревоженным.

— Пока, вероятно, ничего. Но может случиться...

— Она в больнице?! Что-то с ребенком?!

— Пока она просто уехала, но она в опасности, — ответил Данила.

— Как уехала? — кажется, Никита не поверил этому известию. — Куда уехала?! Почему уехала?!

— Я не знаю!

— А кто вы? Откуда у вас мой телефон?

Это не имеет значения. Факт в том, что Кристина после вашего последнего телефонного разговора расплакалась, потом взяла большую синюю сумку, собрала в нее какие-то вещи, села в зеленый джип и уехала в неизвестном направлении...

— Большую синюю сумку?! — эта подробность почему-то произвела на Никиту самое сильное впечатление.

— Да, большую синюю сумку! И уехала! — подтвердил Данила.

— Куда уехала?!

— Никита, я вам объясняю: она собралась, отменила все встречи, отключила телефон и исчезла. Этого недостаточно, учитывая ее положение?!

— Черт! Я так и знал! Я чувствовал, что что-то такое произойдет! — Никита был почти в ужасе. — Господи, я вылетаю сегодня же!

— Никита, подождите, не вешайте трубку! — Данила заорал, что было сил. — Вы не можете знать, о чем идет речь, но это очень серьезно!

— Вы о чем?

— Я не могу этого объяснить...

— Вы ее похитили?! Вы ее украли?! Чего вы хотите?! — голос Никиты задрожал от напряжения.

— Успокойтесь! Я пытаюсь вам помочь! — Данила пытался держать себя в руках. — Когда у нее должны быть роды?

— Днями! — прокричал Никита и снова насторожился. — Но кто вы?!

— Никита, у нас есть время на долгие представления?.. По-моему, нет. Но пока вы в Лондоне, о ней никто, кроме нас, не позаботится.

— Кто вы?!

— Черт возьми! Вы же здоровый человек! Допустим, я скажу, что я святой Даниил! Вы можете это проверить? А если я скажу, что я Даня Питерский — криминальный авторитет? Что это меняет?! О ней больше никому позаботиться!

— А Петр? Петр знает?! — Никита хватался за последнюю соломинку.

— Она от него скрывается! Она вообще от всех скрывается! Вы что, не понимаете?!

— Это вы не понимаете! Это вы ничего не понимаете! Она не может родить сама! Слышите?! Она не может родить сама! Если она куда-то уехала, если ее где-то удерживают, это очень опасно!

Мы с Данилой переглянулись. Дело приобретало новый оборот. Бегство Кристины подвергало риску и ее жизнь, и жизнь ее не рожденной еще девочки? Может быть, она решила отдать себя на волю судьбы?

— Никита, что мы можем сделать до вашего приезда? — спросил Данила.

— Ничего! — Никита, казалось, готов был повесить трубку.

— Никита, черт возьми, что вы пытаетесь скрыть?! Плошкоштопие еще никому не мешало рожать!

Возникла пауза.

— Вы шепелявите? — спросил Никита.

— Нет, я не шепелявлю! — бросил Данила.

— А откуда вы знаете про «плошкоштопие»? — Никита говорил, как человек, встретившийся с откровением. Видимо это «плошкоштопие» было у них чем-то вроде сокровенной тайны двух.

— Никита, поймите вы! Я знаю значительно больше, чем вы думаете. И я знаю, что проблема серьезнее, чем вы можете себе представить. Но я не знаю главного — что можно сделать для Кристины сейчас! До вашего приезда!

— Вас Данила зовут?

— Да.

Понимаете, Данила, у нее такое строение костей таза... Как вам это объяснить? Головка ребенка не пройдет. И как она решилась уехать?.. Что вы можете сделать?.. Не знаю, — Никита пребывал в замешательстве. — Хотя нет, постойте! Свяжитесь с ее врачом! Может быть, он что-то знает!

Никита продиктовал нам координаты гинеколога Кристины. Данила договорился созвониться с Никитой чуть позже, как только мы что-нибудь узнаем, и распрощался с ним.

Встреча с акушером-гинекологом Кристины утвердила нас в самых худших предположениях. Как оказалось, он уже два дня назад просил Кристину госпитализироваться на родовое отделение. Она ответила, что сделает это, но пропала.

О том, что самостоятельно Кристина не сможет родить, врач говорил с полной определенностью. Единственная возможность — это кесарево сечение. Причем, это следует делать до начала схваток, в противном случае возможны осложнения.

Мы вышли из родильного дома в полной прострации.

— Неужели Кристина могла решиться на это? — Данила словно бы разговаривал сам с собой.

— Это словно бы вызов судьбе... — сказал я.

— Но за что она чувствует вину? За что она себя наказывает? — продолжал Данила.

— Она ненавидит свою жизнь...

Господи, как она мучается! Сколько в ней боли! — Данила говорил так, словно бы чувствовал эту боль всем своим существом. — Это похоже на самоубийство...

— Может быть, она решилась на это, чтобы ощутить свою жизнь? Как ты думаешь, Данила? Ведь сталкиваясь со смертью, человек начинает ощущать, что он еще живет. Ему может казаться, что это единственный способ почувствовать себя живым.

— Ты прав, Анхель. Но от чего она так страдает? Ее жизнь налажена. Ее любит молодой, достойный мужчина. Она, наконец, беременна! У нее будет маленькая замечательная девочка...

— Страдание — это отношение к жизни. А то, что ты перечисляешь, это сама жизнь. В этом беда человека — это отношение к жизни перевешивает саму жизнь. Он ставит себя выше жизни...

Данила посмотрел на меня с удивлением и даже с ужасом. Мне показалось, я изрек банальность, но его реакция говорила об обратном. Дед учил меня этому с малолетства. Неужели в этом есть что-то нетривиальное?

— Что с тобой? Почему ты так реагируешь? — спросил я у Данилы.

— По-моему, Анхель, мы гораздо ближе к разгадке первой скрижали, нежели думаем.

Тут пришло время и мне удивляться:

— Почем ?!

«Человек ставит себя выше жизни», — Данила процитировал мои слова. — Но разве это не смерть, если *выше* жизни? Суть не в том — выше или ниже жизни, суть в том, что *вне* жизни!

— Что ты имеешь в виду? — я все еще не мог понять логики его рассуждений.

— Ну, посуди сам. Кристина находится в плену своих чувств. Там все: страдание, боль, страх.

— Ну, и...

— И она стоит на дороге смерти!

Мы встречали Никиту в аэропорту. Данила заметно нервничал. Он рассказал Никите по телефону о результатах нашего визита к врачу Кристины, и предупредил, что мы будем его встречать.

— А вдруг он к нам не подойдет? Мы же сами не знаем, как он выглядит, — Данила высказал мне свои опасения.

— Даже если он сделает такую глупость, я надеюсь, что он поможет Кристине, — ответил я.

— Не уверен, что она его послушает...

— Об этом я не подумал...

— Вы Данила? — раздалось сбоку.

Мы повернулись, как по команде, и увидели молодого мужчину — высокого, красивого и бледного, как полотно.

— Да. А вы Никита? — ответил Данила.

— Да.

— Это Анхель, знакомьтесь.

— Никита.

Мы пожали друг другу руки и направились к стоянке такси.

— Я боялся, что вас не будет, — сказал Никита по дороге.

— В смысле? — не понял Данила.

— Думаю самые ужасные вещи. Вдруг вы действительно ее украли, а переговоры о выкупе легче вести здесь. Вот и вызвали меня, — Никита посмотрел на нас еще раз и, кажется, немного успокоился.

— А мы боялись, что вы к нам не подойдете, — отшутился Данила. — Можно на «ты»?

— Да, конечно. Так будет легче. Мы сели в такси.

— Почему ты так отреагировал, когда я сказал, что она воспользовалась большой синей сумкой? — спросил Данила.

— Привычка, — ответил Никита.

— В каком смысле? — я не понял его ответа.

— Она берет ее только в том случае, когда уезжает в деревню. Там дом ее покойной бабки, — пояснил Никита. И добавил: — Всегда берет.

— Что ей могло понадобиться в деревне? — меня это удивило.

— Анхель? Если я не ошибаюсь... — уточнил Никита.

— Да.

— Вы, верно, иностранец?

— Да, я мексиканец.

Тем более. Если ты ведешь в России бизнес, то у тебя время от времени возникает навязчивое желание провалиться сквозь землю. Пропасть, раствориться, временно умереть. Так, чтобы никто, даже самые близкие люди не могли тебя достать.

У Кристины такое желание возникает не реже, чем раз в два-три месяца. И тогда она уезжает в этот дом, в глухую деревню. Там и мобильник не берет. Так что, даже если и захочешь, ни с кем не сможешь переговорить.

Такая своеобразная самоизоляция — от всех сбежать, обо всем забыть. Больше, чем на пару дней нельзя, но на пару иногда можно. Вот Кристина и бегает в этот дом. Не знаю, почему она берет с собой эту сумку, но это верный признак.

— Дорога туда известна? — спросил Данила.

— Дорога известна. Это за двести километров от Москвы. Глухое место...

— Плохие новости, — буркнул Данила.

— Хорошо хоть дорогу знаем, — протянул я и уставился в окно.

— Простите, но вам-то какое до этого дело?

Никита, допустим, — начал Данила, — ты знаешь, что некий человек находится в смертельной опасности. Более того, что он хочет покончить с собой... А я думаю, что дело именно таким образом и обстоит. Ты будешь сидеть и ждать, пока в местной газетенке разместят его некролог?

— Покончить с собой?! — Никита не знал, как реагировать.

— А что она, по-твоему, делает? — Данила уставился на Никиту.

— Я не знаю, не знаю... Ничего понять не могу. Все, кажется, было нормально...

Когда он говорил это, мне стало не по себе. Душевное смятение, которое он испытывал, невозможно описать словами. В нем буквально ходуном ходила бессильная злоба и отчаяние. Страх потерять самое дорогое, что было в его жизни, казалось, лишило Никиту разума.

Такси подъехало к его дому, и он начал прощаться.

— Нет-нет, мы не прощаемся Никита, — оборвал его Данила. — Мы едем с тобой.

— Со мной?! — он удивился и, наверное, даже не понял этих слов. — Зачем?!

— Послушай, Никита, она сбежала ото всех. Так? — Данила был спокоен и уверен.

— Так.

— И от тебя? — тут же продолжил Данила.

— И от меня... — Никита растерялся.

— Почему ты решил, что ты один сможешь ей помочь?

— Потому что я люблю ее! И это мой ребенок.

— Насколько я понял, это ее ребенок, а ты *его papa*. У вас такой уговор... — Данила внимательно вглядывался в зеленые глаза Никиты.

— Откуда тебе это известно?! — Никита был в растерянности. — Да это шутка, просто мы...

— Никита, раз мне это известно, то, наверное, я что-то понимаю в происходящем. Так?

— Так.

— И я говорю тебе, Никита, что это не шутка. Раз! И что ты один не справишься. Два! А теперь решай сам — остаемся мы или едем с тобой?

Никита озадаченно посмотрел по сторонам.

— Вы едете со мной... — произнес он через секунду.

— О чем я и говорил, — подтвердил Данила. — И пожалуйста, Никита, пойми, это нужно всем нам. Жизнь сложнее, чем тебе кажется, и проще, чем ты думаешь.

— В смысле?

— Слушай, давай обсудим это по дороге! Выходите!

На этих словах Данила стал рассчитываться с обескураженным таксисом, который наблюдал за нашей беседой с выпученными глазами.

Мы вышли из машины и уже через минуту сидели в автомобиле Никиты.

*Никита гнал, как сумасшедший.
Данила сидел на переднем пассажирском сидении, я — сзади.
Свет фонарей, непроглядная ночь, морозящий дождь.
И странный для Никиты разговор.*

Откуда, ты думаешь, я знаю про плоскоштопие? — спросил у него Данила.

— Я не знаю. Но если бы знал, то вы бы сейчас здесь не сидели. Я никому об этом не рассказывал. Кристина — она уж точно никому не расскажет. О ее личной жизни знает только тот, с кем у нее эта личная жизнь. И так?..

— Ты мне сказал.

Никита повернул голову и внимательно посмотрел на Данилу:

— Я?!

— Да. Ты сказал это во время своего последнего разговора с Кристиной. Уговаривал свою дочку повернуть свою голову.

Никита резко ударил по педали тормоза. Машина издала стонущий звук, ее занесло и мы чуть не оказались в кювете.

— Я так и думал! Вы подслушивали наши телефонные разговоры?! — он схватил Данилу за шюрук.

— Нет, — Данила отвечал ему, не моргнув глазом. — Иначе откуда бы я знал про ваш уговор — ребенок ее, а ты только папа?

Никита смотрел на Данилу и начал нервно моргать.

— Не мни пиджак, — сказал Данила и высвободился из его рук. — Поехали!

Машина тронулась с места и стала стремительно набирать скорость. Никита молчал, напряженно вглядываясь в темноту уходящей дороги.

— Есть вещи, которые нельзя объяснить, но которые есть, — Данила говорил спокойно и сдержанно. — Ты нам не доверяешь, и я бы на твоём месте тоже не стал доверять. А то, что ты в безвыходном положении, конечно, расположения духа тебе не добавляет. Но, я думаю, это не худшее знакомство в твоей жизни. Попытайся понять... Ты в Бога веришь?

— Я православный, — ответил Никита.

Вот и славно, — улыбнулся Данила. — Надеюсь, тебе будет легче. У меня с Богом отношения складывались непросто. Когда-то я думал, что Его нет. Потом, казалось, верил, что Он есть. После этого была война, смерть друзей, вообще — смерть, и я поверил, что Его нет. Прошли годы, не слишком удачные. И я решил, что жить мне больше незачем.

Но тут вдруг стали происходить странные, необъяснимые, мистические вещи. Меня находили какие-то люди и говорили о странных вещах. Например, что я Избранный. Маленький буддийский монах, совсем еще мальчик, погиб, спасая мою жизнь. Я стал свидетелем потрясающих воображение событий. А теперь меня посещают видения.

Одно из видений рассказало мне о человеке, который поможет мне выполнить мою миссию, задание, которое дал мне Источник Света. Ему, этому человеку, кстати, тоже было соответствующее послание. Этот человек сидит сзади, это Анхель. Он приехал в Россию из Мексики именно с этой целью. Если бы не он, то я, наверное, сошел бы с ума.

Спросишь — какая миссия? Меня лучше об этом не спрашивать. А мне лучше об этом не думать.

Я слушал Данилу, и сердце мое замирало. У каждого человека свое представление о мире, и он часто думает, что другие люди воспринимают мир так же, как и он. Это типичная иллюзия, свойственная нашему сознанию. И вот я узнаю, что Данила, которого лично я считаю подлинным Избранником, Пророком, оказывается, думает об этом совсем иначе!

И несмотря на это — несмотря на все свои сомнения, на свой отнюдь не религиозный взгляд на мир — он продолжает выполнять возложенную на него миссию. Как солдат, который не обсуждает приказов командира, не спрашивает: «Почему командир приказывает?» Но просто идет и делает дело.

Я смотрел на Данилу, точнее на его затылок, слушал его разговор с Никитой, и думал: «Какая же

нужна внутренняя сила, чтобы вот так — брать на себя ответственность, идти и делать?» А рядом с ним сидит другой российский парень, который слушает его и тоже не верит, но пойдет и сделает, потому что понимает, что надо.

Странная, загадочная русская душа предстала мне сейчас подлинной, неизъяснимой тайной.

— А мы-то с Кристиной как в этом всем замешаны? — спросил Никита.

— Кристина была дана мне в четырех видениях. Именно из них я узнал те подробности, благодаря которым мы с Анхелем сейчас сидим в этой машине. Я знаю, что ты ее любишь, и любишь по-настоящему. И Кристина тебя любит, но что-то ее мучит, что-то не дает ей покоя. Она хотела мальчика, и это ее тревожит. Но не в этом дело...

Ты и про мальчика знаешь? — голос Никиты стал совсем доверительным.

— Да, Никита, знаю, — ответил Данила.

— Мне и самому казалось, что тут что-то большее. Но что?!

— Это и нужно узнать. Иначе никак мы ей не поможем. А она нуждается в помощи. Сильная — оттого и нуждается. Была бы слабой, все было бы проще.

И снова я услышал боль в устах Данилы, боль, идущую от самого сердца. И снова это стало для меня откровением. Казалось бы, Кристина — совсем чужой ему человек! Ну, что ему в ней?! И ведь не ее судьба решается в эти минуты, будущее мира зависит от успеха нашего дела. А Даниле на это словно бы наплевать. Человеку плохо, женщине...

— Господи, что это?! — Данила схватился вдруг за живот и странным образом застонал.

Мы с Никитой испуганно уставились на него.

— Данила, что происходит?! У тебя что-то с животом? — я просунулся между передними сидениями, чтобы лучше его видеть.

Данила держался двумя руками за живот. И непонимающими глазами смотрел на него.

— Аппендицит был? — спросил Никита. Данила покачал головой в знак согласия:

— Был. Вырезали...

— А язва? Язву желудка не находили у тебя? — Никита высказывал новые диагностические предположения.

— Нет, не было... — еле выдавил из себя Данила. — Фууу... кажется отпускает. Ерунда какая-то.

Мы все еще раз тревожно переглянулись и продолжили путь. Прошло минут десять или пятнадцать.

— Черт, опять началось! — Данилу снова скрючило от боли.

— Опиши, что ты чувствуешь, — скомандовал Никита, не переставая гнать машину.

Не знаю я, никогда такого не было! Спазм прямо по всему животу... Дышать невозможно!

Безумная догадка пронзила мое сознание.

— У Кристины схватки начались, — сказал я, и тут же почувствовал, как нас заносит на скользкой дороге.

— Как?! Откуда?! — кричал Никита.

— Никита, держи машину! Держи машину! — Данила схватился за руль и помогал Никите справиться с управлением.

— Данила, попытайся сосредоточиться, — прошептал я. — Может быть, увидишь...

Данила закрыл глаза.

— Деревенский дом, бревенчатые стены... Большой диван, старый, кожаный...

— Что с ним?! — Никита на миг повернулся ко мне.

— Никита, следи за дорогой! — почти рявкнул я. — Он описывает то, что видит...

— Лоскутное одеяло, — продолжал Данила. — Круглый стол у окна... Окно ватой заложено...

Зеркало! Большое, старинное, во весь рост зеркало! Слева от дивана!

— Что он так кричит? — спросил у меня Никита.

Похоже на то место, где Кристина может быть? Было в том доме, у бабки — зеркало во весь рост?!

— Да, есть там такое зеркало!

— Если Кристина в него посмотрит, то Данила сможет сказать ей что-нибудь... Она услышит.

Подскажи ему, подскажи — что сказать!

Никита нервно заерзал на своем водительском месте:

Что же, что же ей сказать?...

— Она плачет, — сказал Данила, ощупывая свой живот. — У нее воды отошли! А-а-а...

Новые схватки Кристины снова на какое-то время передались Даниле.

Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел в нем залитые слезами глаза Никиты. Сомкнутые челюсти, напряженные желваки... Он выжимал из своей машины все, что было возможно. И кажется, более того. Нас мотало на поворотах, словно мы сидели не в машине, а в люльке какого-то аттракциона.

Вдруг я увидел, что Никита поднял руку и что-то показывает ей.

— Скажи! Никита, скажи ему! — закричал я.

— Данила, Данила... — Никита собирался с мыслями. — Знаешь колыбельную — «Ты у меня одна?..» Данила кивнул головой.

— Спой ей! Спой, ей станет легче!..

Повисла небольшая пауза. Данила словно бы собирался с духом, и вдруг запел — тихо-тихо, еле слышно.

— Все будет хорошо, — сквозь зубы прошептал Никита, глядя на дорогу. — Все будет хорошо, Кристина. Я еду! Все будет хорошо!

Машина взревела на очередном крутом повороте, и мы выскочили с асфальтированной дороги на грунтовую.

«Видимо, мы уже близко», — подумал я.

Нас трясло, как в миксере. Я закрыл глаза и, кажется, даже задремал. Моему взору откуда-то сверху предстала почти сказочная панорама. Ночь. Полная луна, на небосклоне россыпью лежат звезды. Густой лес, через него петляет дорога. Где-то вдалеке небольшая деревушка в десять, может быть, двенадцать домов.

По дороге мчится автомобиль, в нем три человека. Один дремлет на заднем сидении. Другой за рулем, он напряженно вглядывается в изгибы дороги. Держится за руль и временами смахивает с глаз слезы. Третий поет колыбельную, слова которой я слышу первый раз в своей жизни. Добрые, нежные, заботливые слова...

«Ты у меня одна, словно в ночи луна, словно в году весна, словно в степи сосна. Нету другой такой ни за какой рекой, нет за туманами, дальними странами.

В инее провода, в сумраке города, вот и взошла звезда, чтобы светить всегда, чтобы гореть в метель, чтобы стелить постель, чтобы качать всю ночь у колыбели дочь.

Вот поворот какой делается с рекой. Можешь отнять покой, можешь махнуть рукой, можешь отдать долги, можешь любить других, можешь совсем уйти, только свети, свети».

— **П**риехали! — Никита буркнул себе под нос. — Выходить надо, застряла машина.

Мы бросили машину и дальше около двух километров бежали почти в полной темноте. Никита впереди, мы с Данилой за ним.

Деревушку освещало два тусклых фонаря. Слабый свет в окне покосившегося бревенчатого дома, полуоткрытая калитка...

Кристина сидела на полу, на лоскутном одеяле, облокотившись спиной на старый кожаный диван. Ее полузакрытые, отсутствующие глаза смотрели в огромное зеркало.

— Кристина! — Никита бросился к ней.

— Что со мной?.. — шептали ее губы. — Где я?..

— Любимая! Господи...

— Никита — ты?... — она смотрела на него непонимающим, не то испуганным, не то счастливым взором. — Никита...

Никита подхватил ее на руки и двинулся к выходу. Кристина обхватила его шею, жадно вдыхала запах его волос, ощупывала его лицо, целовала. И повторяла его имя, раз за разом, только его имя... Как заклинание.

— Кристина, держись! Будь молодцом!

Я такая дура, Никита, — шептала она.

— Я сумасбродная дура... Что я наделала?!

Господи, что я наделала?!

— Солнце мое, все будет хорошо! Слышишь меня?! Все будет хорошо!

Мы с Данилой помогли Никите уложить Кристину на заднее сидение джипа.

— Я выбросила ключи... — голос Кристины становился все тише.

— Как выбросила? Куда выбросила? — Никита был в растерянности.

— В колодец... Я...

Мы с Данилой переглянулись.

— Анхель, давай на переднее сидение! — скомандовал Данила. — Никита — к Кристине на заднее!

После этого он вбежал в дом и появился через мгновение, держа в руках большой нож. Орудую им, как профессиональный угонщик, он взломал систему зажигания и завел машину.

— Ловко, — пробормотал я.

— Конверсия боевого опыта, — отшутился Данила.

Машина рванула с места, взяв курс обратно — на Москву.

Схватки следовали друг за другом, и были настолько мучительными, что скоро Кристина перестала ощущать боль.

*Мне казалось, она была в бреду.
Пыталась говорить, ее мысли путались.
Никита держал ее голову и без конца повторял:
«Все хорошо... Не волнуйся... Все будет хорошо...»*

— **Какая** глупость, такая глупость... — Кристина разговаривала то сама с собой, то с Никитой. — Почему так?.. Смерти боялась, а жить не хотела. Теперь смерти не боюсь, потому что рядом она, а жить хочется...

— Кристина, тихо, тихо, — успокаивал ее Никита. — Пожалуйста, ничего не говори, береги силы...

— И зачем только я это сделала? — Кристина растерянно посмотрела в окно автомобиля. — Словно сама не своя была... Страшно мне было, Никита. Страшно и совестно...

— Да что ты такое говоришь, Кристина!

— Грех на мне...

— Все, успокойся, — Никита понял, что она бредит, и попытался надавить.

Нет, Никита. Грех... Если любишь, то любить до конца нужно. Я любила тебя, вся любила. Но чуть-чуть, да оставила. Побоялась я в полную силу тебя любить, Никита. От недоверия это, от недоверия. Ты вот любил меня, а я не доверяла... Грех это, грех.

— Кристина, пожалуйста...

— Никита, я должна сказать, — голос ее вдруг стал твердым. — Прости... Вдруг умру, а ты себя винить станешь, это моя вина, Никита. Боялась я тебе довериться, и не доверилась. Все придумывала себе то объяснения, то оправдания. Искала, как заставить сердце свое молчать. Все — ложь...

— Кристина, ты преувеличиваешь, — Никита, казалось, даже не слышал, что она ему говорила. — Ты все преувеличиваешь...

— Думала я, что на волю судьбе себя отдаю. Убежала, спряталась, пути для отступления не оставила. А ведь это неправда. Не судьбу я испытывала, а страху своему повиновалась...

Во рту у Кристины пересохло, я передал Никите воду из бардачка.

— Страх от вины, страх за вину... — Кристина отпила воды.

— Господи, что ты говоришь такое?! Какая вина?! — шептал Никита.

Я повернулся назад и увидел странные движения его рук. Он словно бы хотел закрыть Кристине рот, не дать ей сказать. Подсознательно, нервно. Ему невыносимо было слышать, как она ругает себя. Душевная боль и сострадание буквально вывернули его наизнанку.

— Я через себя не смогла переступить. Через страхи свои не переступила. Боялась лицо потерять... Страдания боялась, будущего. Потерять тебя боялась... И вот искупление — теперь теряю. Любила, а любви своей не доверилась. Всю жизнь я ждала тебя, Никита, дождалась и не поверила. Дура я, Никита, дура... Полюбил ты дуру себе на беду. И дочку твою погублю я...

Кристину душили подступающие рыдания.

— Тихо... тихо... — Никита утирал ее слезы и, держа в руках ее голову, укачивал, словно младенца.

— Э-эх... — печально протянула Кристина. — Столько передумала всего, а слов не найду. Не знаю, как и сказать... Что-то прямо ходит в душе... Словно печать какая-то на сердце... Давит, давит, да не пустит никак...

Мы с Данилой снова переглянулись.

— Земля вокруг черная... — речь Кристины стала совсем отрывистой, совсем бессвязной. — Тяжелые комья! Сыплются, сыплются на меня! Никита!

Глаза Кристины закрылись, легкая судорога сотрясала все ее тело. У Никиты началась паника. Он не знал, что ему делать. Как он может помочь самому дорогому своему человеку?!

— Господи, да что же это такое! Что же делать-то?

— Господи!

— Скажи ей — что прошло, то стало прошлым, — продиктовал я.

— А потом скажи, что берешь себе ее душу, — продолжил Данила.

— Прошлое стало прошлым? — удивленно переспросил Никита. — Беру себе ее душу?

— Ну, говори же! — заорали мы хором с Данилой.

Никита секунду собирался с силами, словно бы повторял про себя только что заученный текст.

— Никита! — закричал Данила. — Пожалуйста!

— Кристина, ты слышишь меня?! Прошлое стало прошлым, я беру твою душу...

Кристина пришла в сознание, улыбнулась, провела рукой по лицу Никиты и закрыла глаза.

Прошлое стало прошлым... Так должно было быть. Никита взял себе душу Кристины, ведь именно об этом она просила его...

В тишине, лишь под звук мотора да шелест шин по мокрому асфальту, мы домчали до одного из

московских родов.

Врач Кристины был предупрежден и находился на месте. Мы передали ему Крестину. Ребенок был жив, врачи немедленно начали операцию.

Через полтора часа все закончилось благополучно. Новорожденную малышку поместили в одну реанимацию, Крестину — в другую.

— Похоже на чудо, но все обошлось, — сказал врач, выйдя из операционной. — Поздравляю вас, *nana*.

— А можно, можно к ней?! — спросил Никита.

— Нет, рано пока. Подождите пока в холле. При первой возможности я вас пуцую.

Никита расположился в больничном холле. Мы с Данилой вышли на улицу. Светало.

— Хороший парень, — сказал Данила.

— И она какая молодец! — поддержал я.

— Они будут счастливы... Все будет хорошо.

Мы вернулись в здание. Никита спал, как убитый. Две бессонных ночи — пока он пытался дозвониться Кристине, да пока мы ездили за ней, дали себя знать.

— Кто здесь родственники Кристины Голубевой? — спросила медицинская сестра, спустившись в больничный холл.

— Мы, — хором ответили я и Данила.

— У нее какие-то неврологические заболевания имеются? — деловито осведомилась сестра.

— В каком смысле? — спросил Данила.

— Ну, судорог никогда не было? Спазмов каких-то мышечных?

— А что? Что случилось?! — настаивал Данила.

— Ну, я не знаю точно, — сестра почему-то смутилась, куда-то улетучился налет ее грозного медицинского статуса. — Она еще не совсем от наркоза отошла, может быть поэтому...

— Что «потому»? — Данила подошел к женщине и внимательно посмотрел ей в глаза.

Рукой она как-то странно двигает, словно пишет что-то...

Анхель, — Данила повернулся ко мне, улыбнулся и подмигнул.

Что ж, нам пришлось совершить «противоправные действия». Впрочем, не в первый раз за эти сутки. Я подошел к медицинской сестре из реанимации и посмотрел ей в глаза. Через две минуты мы уже были в реанимационной палате, рядом с Кристиной.

Ее правая рука, действительно, двигалась, словно бы что-то писала.

— Нужен лист бумаги и карандаш, — шепнул Данила.

Пришлось позаимствовать на врачебном столе... Данила аккуратно вложил в руки Кристины карандаш и поставил его на лист бумаги.

Медленно, не приходя в сознание, буква за буквой Кристина выписывала на листе бумаги текст первой Скрижали Завета. Заворожено мы смотрели на ее улыбающееся лицо, следили за движением ее руки, пока, наконец, она не дошла до последнего слова и не остановилась.

— Но ведь это же как раз то, что мы поняли! — прошептал Данила. — Господи, как все, оказывается, просто!

И только Данила взял в руки этот листок, чтобы перечитать текст первой Скрижали Завета вслух, как я тут же жестом остановил его:

— Данила, не произноси этих слов!

— Но почему?..

— Ты не знаешь, какой силой обладают слова! А они, действительно, имеют силу. Этот текст похож на мистическое заклинание. Понимаешь, это код!

— И что с того?! — Данила все еще не понимал, что я имею в виду.

— Вспомни, Данила, что говорил тебе Схимник. Тьма могла похитить скрижали, но она не могла прочесть их. И этого нельзя делать. По крайней мере, до тех пор, пока мы не соберем оставшиеся шесть...

Данила улыбнулся в ответ на мои слова:

— Анхель, какой ты смешной! Человек борется не с Тьмой, а со своим собственным страхом.

Я задумался. Как это странно — мы с Данилой понимаем друг друга, и вместе с тем, мы такие разные! Я своими глазами вижу великое противостояние Света и Тьмы. Я вижу, как эти силы пользуются людьми для достижения своих целей. Данила воспринимает это совсем иначе. Он видит, что эта борьба идет внутри самого человека. Как страхи и пороки искушают Свет его души.

— Тот, кто способен понять, тот, кто умеет чувствовать, уже знает смысл. Ему достаточно знать, что мы пережили. Для понимания не нужны слова, слова нужны для дела. А время дела еще не наступило.

— Ты прав, Анхель. Хотя...

— Данила, поверь мне, сейчас ощущение важнее слов. Пусть уста молчат, дай душе пройти ее путь.

— Хорошо, Анхель. Ее путь только начался...

Мы вышли на улицу и улыбнулись рассветному солнцу.

*Через пару часов Кристина придет в сознание.
Любящими глазами будет смотреть на нее Никита.
«Я так люблю тебя!» — скажет он ей. «Всю жизнь я ждала...» — ответит ему Кристина.
«Жизнь только начинается...» — шепнет он.
Их маленькая девочка родилась в несчастливый день, но зато принесла с собой счастье.*

ЭПИЛОГ

Мы шли по утренней просыпающейся Москве, дурачась, словно малые дети. Шли, подпрыгивая от счастья, несмотря на усталость.

— Говорю я тебе, — смеялся Данила. — Нет никакой Тьмы! Ерунда это! Есть только люди и их поступки. Это простое правило! Когда они готовят себя к жертве, они остаются ни с чем. Когда же дарят, тогда обретают.

Я думал поспорить с Данилой. Этой ночью я чувствовал противостоящие нам силы Тьмы, ощущал их кожей. Но я согласился с моим другом, потому что радость его была мне дороже.

— Главное, что первая скрижаль найдена, — только и сказал я.

— Нет! — засмеялся Данила.

— Что нет? — удивился я.

— Это не важно! Важно, что в нашей сказке Русалочка не умерла!

В этом все русские: важно не то, что будет, важно то, что есть. И я позавидовал Даниле, потому что он этим утром был поистине счастлив. А я думал только о том, что нам предстоит отыскать еще шесть недостающих скрижалей.

— Данила, ты правда так думаешь?

— Анхель, а ты поменял бы ее счастье на скрижаль? — в момент Данила стал совсем серьезным.

— Я... Ну... Это очень трудный вопрос, — я не знал, что ему ответить.

— А почему ты не стал со мной спорить, когда я сказал, что Тьмы нет? Ты ведь не согласен.

— Просто не хотел, чтобы мы с тобой спорили.

— А я не хотел, чтобы она умирала. Остальное — ерунда! И если для этого ей нужна была любовь, нужно, чтобы эта любовь была. А если нужно, то считай, что есть! Ведь если тебе что-то по-настоящему нужно, Жизнь даст это обязательно.

— Мне нужно еще шесть скрижалей, — рассмеялся я.

— Что ж, тогда ты должен очень этого хотеть!